

**ГОРОДСКОЙ
ДЕТЕКТИВ
ЧАСТЬ 3**

СМЕРТЬ В
ОТПЕЧАТКАХ

Мария Карташева 18+

Городской детектив

Мария Карташева

**Городской детектив. Часть
3. Смерть в отпечатках**

«Автор»

2023

Карташева М.

Городской детектив. Часть 3. Смерть в отпечатках /
М. Карташева — «Автор», 2023 — (Городской детектив)

Работа всегда накладывает отпечаток на человека, особенно работа в специальном отделе «УГРОЗА». Та чёткая линия, что была проведена Глафирой между добром и злом, практически исчезла, рыцари на поверку оказались трусами, а идеальный мир существует только на маминой кухне. И Глафире срочно нужна защита от этих откровений. Что она выберет, путь Лисициной, одетой в броню железной леди, или вечный сарказм Визгликова, прячущего свою боль и разочарование? Но на всё это у Глаши очень мало времени. Ведь дело, которое, казалось бы, закончено, продолжается, и Игрок ведёт свою партию и делает это, как всегда, в мажорных тонах.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	15
Глава 3	24
Глава 4	34
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Мария Карташева

Городской детектив. Часть 3. Смерть в отпечатках

Глава 1

Острый железный край крыши гулко тёрся о дребезжащий водосток, и вместе с ветром этот звук носился в воздухе тягостной заунывной какофонией, оседал на мокрой грунтовке, путался в свете фар одиноко бредущей по окраине города машине. Вскоре автомобиль, окончательно сбившись пути, остановился, из тёплого нутра вышла женщина, покрутила головой, надеясь что-то рассмотреть в еле освещаемой фонарями темноте, но испугавшись метнувшейся по обочине тени, снова забилась в машину.

Новый порыв ветра, а может, наступающий восход слизнули электрические разряды в стёклах фонарных столбов, ненадолго этот отрезок грунтовой дороги погрузился в ночное непроглядное безмолвие, и только фары автомобиля протыкали тяжёлое чёрное покрывало, да не успокаивалась крыша с трубой, противно вереща и надрываясь ещё сильнее. Вскоре рассвет окрасил в серое сумрак ночи, стали видны лужи, блестящие от влаги и лежащие на земле облетевшие листья, часть чьего-то поваленного забора и опустевший автомобиль, который стоял заведённый, чадя выхлопной трубой.

– Алё, милиция, – стоя напротив пустой машины и подслеповато щурясь, проговорила старушка с маленьким лицом и полностью закутанная в длинный плащ, поминутно поправляя на голове косынку. – Чё, мне кудась звонить, если здесь машину посреди дороги раскорячили? Милый, ты мне не говори, как правильно, я в четыре встала, в окно глянула, она стоит. Я в девять второй раз чай пить пошла, она опять стоит, сейчас полдень, она стоит. Причём всё время она была взведённая, сейчас, наверное, издохла совсем или топливо гикнулось. Так кудась звонить, чтобы разобрались?

После звонка дремлющее пространство окраины стало потихоньку просыпаться, сначала от рычащего двигателя машины участкового, потом воздух взволновали сине-красные маячки машины ДПС, так как прошёл сигнал, что оставленная машина принадлежит их сотруднику, а потом к месту прилетел беспокойный отец, почти всю ночь обзванивавший знакомых дочери, так как она обещала быть на семейном ужине, но так домой и не приехала.

– Мужики, чего происходит? На фига она вообще сюда приехала? – стенал он, нарезая круги вокруг машины. – Ни черта не понимаю. Сказала, папа, я еду. – мужчина стал нервно вырывать из кармана куртки застрявший там телефон и, вытащив вместе с порвавшейся подкладкой, быстро набрал номер. – Стас, это Митя Кононов. Можешь приехать? У меня дочь пропала.

***

Открыв глаза, Глафира сначала не сразу поняла, где находится, и только потом осознала, что если она перестанет быть маминим Воробушком, то ей совсем не на что будет опереться в этой жизни. В пятницу, улизнув с работы пораньше, Глаша взяла билет на самолёт и уже ближе к вечеру предстала перед удивлённым взором родителей, только недавно добравшихся до нового места папиного назначения. Потом был долгий весёлый ужин, бесконечные тосты за новый замечательный большой дом на берегу Обского моря и за новую папину работу в составе преподавателей Академгородка в Новосибирске.

Выйдя с отцом на веранду, Глаша огляделась, подсела к отцу и проговорила:

– Папа, почему тебя раньше не пригласили?

– Глаша, наверное, потому что я не спрашивал. Мне казалось, что наш переезд в Европу будет каким-то радостным, но, наверное, этот отрезок своей жизни я не буду вспоминать с удовольствием. Дом, Глаша, есть дом. И потом, я же не привык продвигать себя, что ли. А здесь просто обстоятельства сложились очень удачно, позвонил старый товарищ, разговорились, а он декан, и они как раз искали преподавателя моего уровня.

– А Никита?

– Они решили, что тоже останутся здесь. Но купят квартиру в городе, сейчас решили смыть с себя нервозность переезда, поехали в Сочи.

– Я так рада, что вы вернулись.

– Хорошо, что ты приехала, мама просто сразу расцвела. Ты, Глашенька, пожалуйста, больше не отдаляйся.

– Не буду, папа. Не буду. – девушка покачала головой, чмокнула отца в щёку и пошла наверх, в небольшую спальню, которую оставили специально для Глафиры.

Утром, спустившись на кухню и распахнув тяжёлые шторы, Глафира стояла в хороводе солнечных лучей, смотрела, как красиво скачут морские волны и вдруг нащупала внутри себя прежнее тёплое счастье. Это было словно давно забытое чувство, помогающее держаться на плаву.

– Доброе утро.

Глафира развернулась, улыбнулась настороженно вошедшей Ане и кивнула на холодильник:

– Давай завтрак вместе приготовим?

– А уже всё готово, – девочка пожалала плечами, – мы ещё в восемь встали и просто ждали, когда все проснутся. Мама, – выпалила Аня, но сразу осеклась, – простите.

– Аня, давай условимся, – подойдя ближе, сказала Глаша, – ты имеешь полное право называть родителей «мама» и «папа». Хорошо? Это твой дом.

– Я стараюсь, но столько случилось, что иногда не понимаю, как себя вести.

– Давай поступим следующим образом, – Глаша взяла девочку за руки и, глядя в глаза, сказала, – попробуй воспринять меня как старшую сестру. Не замыкайся в себе, ты же понимаешь, кто, как не я, знает твою историю. Если тебе будет трудно, сложно или просто захочется поболтать, ты всегда можешь мне позвонить. Ну, а по своему опыту, скажу, что лучшей подружки, чем наша мама, не найти. Кстати, где родители?

– Они во дворе, думают, что устроить в сарае. Папа настаивает на мастерской, мама говорит про курятник.

– Да? – удивилась Глаша. – Можно подумать, папа хоть раз держал в руках молоток. А мама кур видела только в магазине в виде тушек, я боюсь, что она плохо понимает, что в живой природе они с перьями. Беги зови всех завтракать, я пока кофе сварю.

Аня рассмеялась и побежала на улицу, а Глафира, поискав на полках кофейные зёрна, счастливо выдохнула:

– Я дома, какое счастье.

Одновременно с поднимающейся кофейной пенкой у Глафиры зазвонил телефон, и она, обжигая руки, быстро переставила турку с плиты на стол и схватила мобильник.

– Слушаю. – дую на пальцы, проговорила девушка.

– Глафира, привет. Это Яна Кислицына.

– Кто? – Глаша нахмурилась, пытаясь откопать в памяти едва знакомое имя.

– В школе мы с тобой вместе учились. – нетерпеливо добавила девушка и перед внутренним взором Глаши чётко нарисовался образ королевы класса, пренебрежительным взглядом окидывающей тех неудачников, кто не сумел попасть в толпу её свиты.

– Да, Яна, вспомнила. Привет. – со вздохом отозвалась Глафира и загрустила.

С тех пор как она стала работать в органах, к ней постоянно обращались с просьбами, казалось бы, совершенно посторонние люди, о которых она не слышала годами. Одним нужно было вернуть права, другим помочь с соседями, а третьим пугнуть мужа, последнее нравилось Глаше особенно, потому что она явно представляла себе, как она пугает этого самого мужа, надевая на себя страшную маску и бегая за ним по городу.

– Ты же в полиции работаешь? – без предисловий спросила Яна.

– В следственном комитете. – вяло поправила её Глафира.

– Это, наверное, ещё лучше. Глаша, у меня подруга пропала.

– Когда? – спросила Глафира, внутренне благодаря Вселенную, что на этот раз не собака и не хомячок, потому что такое в её практике уже было.

– Утром, сегодня.

– Яна, сейчас три часа дня, – терпеливо проговорила Глафира, – ты уверена, в том, что говоришь? Может, она просто телефон забыла зарядить, например.

– Глаш, я ж не дура совсем. Мы с ней рано с утра сегодня ехали за город, машина сломалась, хорошо, что рядом был сервис, мужики сказали, что там что-то серьёзное полетело. Недалеко была станция, мы решили вернуться в город на электричке, зашли вместе на платформу, я отошла воды купить, там магазинчик недалеко, вернулась, а её нигде нет. Телефон выключен.

– Яна, давай, я задам несколько уточняющих вопросов, – осторожно проговорила Глафира, – вы точно не ругались?

– Нет, Глаша. Я обыскала там всё вокруг, вызвала полицию, даже заставила камеры посмотреть. Видно, что мы с ней зашли на вокзал, видно, как я отошла от неё, она повернула за столб и пропала! – почти выкрикнула Яна. – Прости, я просто вся на нервах. Я приехала в город, пошла к ней домой, никто не открывает. Но я точно знаю, что к ней кто-то приходил после нашего отъезда.

– Почему ты так решила?

– Коврик.

– Что? – не поняла Глаша.

– Пунктик у неё, коврик перед дверью должен ровно лежать. Мы, когда выезжали, я его сбила, так она вернулась, поправила, сейчас он снова сбит. А квартира у неё, как бы в коридорчик утоплена, там мимо никто не ходит. Домработница сегодня точно не должна была прийти.

– Так, поняла. – шумно выдохнула Глафира. – С родственниками связывалась?

– Польская, поверь, ты последний человек, кого бы я стала о чём-то просить, если бы не что-то серьёзное.

– Да? – удивилась Глафира. – А почему?

– Ты реально сейчас хочешь обсудить прошлые обиды?

– Короче, я сейчас не в Питере. – перебила её Глафира. – Сейчас я позвоню своим, с тобой кто-нибудь к ней на квартиру скатается. Хорошо?

– Да, я здесь во дворе, возле её дома. Она в квартире родителей осталась жить, а они в новую перебрались, но они сейчас где-то на Алтае.

– Сейчас я тебя наберу.

Глафира положила трубку, потрясла головой и немного помявшись, набрала номер Визгликова. Сегодня была суббота, и Стас был на связи, ибо вызвался быть дежурным по отделу.

– Стас Михайлович? – спросила Глафира, когда Визгликов поднял трубку.

– Нет. – серьёзно ответил Стас.

– В смысле? – недоумённо протянула Глаша. – Это ж вы.

– Польская, ну а что ты тогда глупые вопросы задаёшь? – лениво гаркнул следователь. – Что тебе?

– Есть дело. – набрав воздуха в лёгкие, выпалила Глаша.

– Денег нет. – сразу отозвался Стас.

– Да не нужны мне ваши деньги, у меня своих тоже нет. Случай странный, бывшая одноклассница попросила помочь. Можете смотаться, посмотреть что там?

– А ты где?

– В Новосибирске.

– Где? – изумлённо протянул Стас.

– Родители мои вернулись, папе здесь предложили очень хорошую должность, вот помогаю обустраиваться на новом месте. Я завтра вечером уже приеду обратно.

– А, а я думал, решила обследовать те территории, куда мы клиентов своих отправляем. Скидывай контакты. Проверю.

***

Выскочив из такси, Визгликов сверился с адресом и, войдя во двор, сразу увидел одиноко слоняющуюся девушку.

– Вы Яна? – Визгликов поморщившись оглядел высокую белокурую девушку, точёная фигура которой должна была вызвать в нём радость, но он прекрасно понимал, что если он будет с ней флиртовать, Глаша вынесет ему весь мозг. Да и потом почему-то в последнее время всё больше мысли Визгликова занимала фигура Лисицыной, особенно после того, как он её чуть не потерял.

– Да, – живо отозвалась девушка, – а вы?

– А я не Яна. Ну, показывайте, где ваш сбитый коврик. Ведь следователю по особо важным делам больше-то нечем заняться.

Скорчив недовольную мину, Визгликов пошаркал за девушкой к подъезду, но остановился, когда услышал короткий визг тормозов.

– Простите, вы Станислав Михайлович? – из подъехавшей машины вышел высокий мужчина в полицейской форме.

– Да. Вы участковый?

– Так точно! – коротко взяв под козырёк трубно ответил мужчина. – Слесаря я вызвал, понятия ждут у квартиры.

– Можно я вас сфотографирую и повешу на доску, чтобы показывать другим пример идеального участкового.

Мужчина, не понявший воспринимать это как шутку, или Визгликов и правда решил устроить ему фотосессию, заметался взглядом, неловко пожал плечами и громко сказал:

– Если нужно для дела, я готов. Куда встать?

Визгликову очень хотелось рассмеяться, но видя совершенно серьёзный взгляд участкового, Стас помотал головой:

– Не, такие важные вещи на бегу не делаются, нужно же фотографа вызвать и в более торжественной обстановке всё обтяпать.

– А может мне парадную форму надеть? – оживился участковый.

– Не, – цыкнул Стас, – лучше фрак.

– А у меня нет, – расстроено протянул мужчина.

– Вот так и рушатся самые светлые идеи, – посетовал Стас и открыл дверь в подъезд. – Позже обсудим.

Слесарь, быстро справившись со своей задачей, раскрыл дверь в жилище Яниной подруги и уже хотел переступить порог, но Визгликов быстро оттеснил его и обернувшись сказал:

– Уважаемый, не нужно такого рвения, вам переработку не засчитают. – и, выпевив взглядом участкового, добавил, – пусть товарищ пока подождёт. Посмотрим, что здесь, может, придётся закрывать квартиру и опечатывать. – поманив рукой стоящую позади всех Яну, он проговорил. – Стойте здесь, я скажу, когда можно зайти, а вот понятия за мной.

Квартира была обычной, чисто прибранной, стандартной и словно только что сошедшей с картинок интерьерного журнала, где рекламируют бюджетные мебельные гарнитуры. Единственным оригинальным украшением были фоторамки с чёрно-белыми снимками, висевшие по всему периметру квартиры. Визгликов не увидел ничего такого, что могло бы его насторожить. Он прошёл на кухню, заглянул в санузел, потом вернулся в гостиную-спальню, но ровным счётом ничего не увидел.

– Яна, зайдите сюда, пожалуйста. – матерясь про себя и обещая устроить Польской «райскую жизнь», крикнул он в коридор. – Проходите, – широким жестом открыв дверь, проговорил Стас. – Убедились? Здесь всё в порядке.

Яна придирчиво огляделась, прошла по маршруту Визгликова и расстроено всплеснула руками.

– Я ничего не понимаю. Где же она тогда?

– Я думаю, что вы напрасно накручиваете и себя и всех остальных, – пробормотал Визгликов, – а был ли мальчик? – вдруг задумчиво спросил он. – Яна, а на какой машине вы поехали? В какой сервис её сдали? На какой станции сели в поезд?

– К чему все эти вопросы? – нахмурилась девушка.

– Ну, вы подняли в субботу на ноги кучу народу, но у вас нет ни единого доказательства, что вы и правда куда-то ездили. Всё только с ваших слов.

– Да что вы такое говорите?

– Ну, может быть, вы здесь видите что-то, чего не вижу я?

Понятые заскучали, поняв, что ничего интересного не будет, и вылазка из своего жилища была просто напрасной тратой времени. Две пожилые женщины, чтобы хоть как-то себя развлечь, стали активно разглядывать стены под аккомпанемент занудного голоса Визгликова, который умел прекрасно выпиливать дыры в нервной системе собеседника.

– Смотри, Антонина Петровна, какая мода нынче. Какие-то неясные силуэты нафотографируют и говорят, что это искусство.

– Ага, или смотри, бумажку в клеточку сняли и вставили в рамочку. Может, там дельное что-нибудь написано хоть? Гляньте, Ольга Сергеевна, а то я очки забыла. Главное, чтобы не матерное было.

– Да нет. С детектива какого-то, что ли, строчки, – женщина, чуть сощурившись, приблизилась к висевшей на стене картинке и громко прочла, – «если я не объявлюсь до послезавтра, то ищите меня по адресу».

На последних словах Визгликов резко замолчал и выглянул в коридор.

– Что это? – спросил он, быстро подойдя к старушкам.

– Да картинки какие-то. А что читать нельзя было? – приоткрыв рот от испуга, произнесла Ольга.

– Можно. – севшим голосом сказал Стас.

– А что такое? Что это за адрес? – Яна подошла поближе и глянула на картинку. – Этой фотографии здесь не было. И почерк Эмкин.

– Да я уже понял. – Стас набрал номер и быстро спросил. – Тёма, можешь подъехать? Отлично, сейчас адрес кину, жду.

– Так а что это за адрес? – не унималась Яна.

– Криминального морга. – тихо уронил Визгликов и набрал номер телефона. – Алё, кто сегодня вместо Казакова дежурит? Новенькая, что ли? Впрочем, какая разница, присылайте криминалиста.

***

Утро в квартире Астаховых проходило под визжащую трель скандала. Не прекращающаяся с вечера перебранка, хорошо набирала обороты, и Артём бегал по квартире с багровым

лицом, пытаясь побыстрее собраться и ускользнуть из дома, лишь бы больше не слышать криков жены.

– Ты абсолютно стираешь понятие ответственности, ты решаешь всё в одиночку, ты меня растёр в пыль. – громко переставляя посуду на кухне, тревожила пространство громкими звуками женщина. – Артём, мы собирались пожениться и завести ребёнка, у тебя была нормальная спокойная работа. А что сейчас? Я тебя спрашиваю, что мне делать сейчас?

– Я прошу тебя, у меня уже мозг кипит. Хватит кричать! – мужчина чуть повысил голос, но сразу оборвал предложение и более миролюбиво добавил. – Я и так всем говорю, что ты моя жена, если тебе необходима печать в паспорте, пойдём в ЗАГС. – он попытался обнять Аллу за талию, но та резко отстранилась.

– Мне одолжение с твоей стороны не нужно, и я хочу нормальную свадьбу. Тебе-то что, ты ещё молодой, потом бросишь меня и ещё раз женишься, – некрасиво скривила лицо и заплакала женщина, – а я хочу, чтобы всё красиво было, чтобы было о чём в старости вспомнить. Я последний раз спрашиваю, ты уйдёшь с этой работы? – поставив руки в боки, гаркнула она.

Артём шумно вздохнул, опустил на стул и, покрутив в руках пустую чашку, сказал:

– Я не хочу и не могу работать водителем, а сейчас я делом занимаюсь. Пожалуйста, пойми и меня тоже, поперёк горла уже стоят все эти покатушки.

– Не хочешь водителем, я тебе другое место нашла, – немного оживилась женщина, – охранныком в магазин. Очень похоже на твоё нынешнее занятие, тоже охранять порядок.

– Не выкручивай мне руки, – застонав Артём стал легонько биться затылком о стену, – мне нравится оперативная работа. Как ты не понимаешь, что я совсем закисну. Ты меня просто убиваешь.

– Короче, Артём, выбирай. Либо ты увольняешься, либо я от тебя ухожу. – твёрдо сказала женщина, сорвала с себя передник и с треском захлопнула за собой дверь в ванную.

Тёма глянул на зазвонивший телефон.

– Да, Стас. С удовольствием. Я выезжаю. – быстро сказал Артём и подорвавшись опрометью бросился из квартиры.

***

Ветер, разогнав стадо тучек, ненадолго стянул паутину непогоды с солнца, и в осеннем воздухе сразу разлилось тепло, из леса выкатился тёплый грибной аромат, с берега реки потянуло щиплющим ноздри дымом от костерка, который упорно раздувал Погорелов, стоя на коленках.

– Серёга, что ты там возишься?

– Так, болезный, сиди и не возражай. Тебе доктор что сказал? – откашливаясь спросил Погорелов. – Побольше бывать на воздухе. Вот сиди и наслаждайся.

– А Кирилл-то где?

– Сейчас пивка захватит и приедет. О! Получилось!

Еле тлеющее пламя, наконец быстро забралось по сухим веткам в самую середину древесной пирамиды, и костёр весело заплясал под мелодичные аккорды слабого потрескивания.

– Мы ж на сухую решили, какое пиво? – удивился Латунин.

– Рома, кто ж такими природными красотами любитесь на сухую? – Погорелов обвёл руками огромную заводь, колышущийся осенний лес и крохотную полянку, где они расположились на пикник. – Это ж не романтично, в конце концов.

– Ну тогда как-то нехорошо. Надо было Визгликова позвать.

– А, ну да, где водка там Визгликов, – прыснул со смеха Погорелов, – ты ему ещё ляпни, он тебе больняк продлит.

– Да не, я к тому, что он потом весь мозг выест, что бухать без него поехали.

– Ладно, не нуди, я его приглашал, но он дежурный сегодня. – отмахнулся Погорелов. – Сейчас мангал запалю, а ты пока шашлыки нанизывай. Как там Надя твоя?

– Отвали. – моментально оборвал интерес приятеля Латунин.

– Странно, а мне казалось, всё хоккеем.

– В хоккее у тебя сорванцы под окнами играют, – буркнул Рома, – правда, Серёга, отвали, не расположен я что-то. – Латунин открыл контейнер с ароматно пахнувшим маринадом, подхватил шампур и, надев первый кусок мяса, вздохнул. – В больнице был, она чуть не каждый день ездила, как вышел, снова отстранилась. Не пойму её.

– А ты выведи на разговор.

– Серёга, вот ты такой смелый, я прямо удивляюсь. А, ну да, – зло всплеснул руками Латунин, – у тебя же богатый жизненный опыт в разрезе общения со слабым полом. Напомни, когда ты на свидание-то ходил последний раз? А, точно. Никогда!

– Ладно, не шуми. – миролюбиво отмахнулся Сергей. – Что там, кстати, по Кононову?

– Ничего. Там Визгликов с дэпээсниками весь лес исползали, девушка как сквозь землю провалилась. Неделя уже прошла.

– Слушай, а Кононов это тот, кто нашёл тогда газель с холодильником? – передавая готовые шампуры Погорелову, спросил Латунин.

– Ага. Там следак районный совсем юный приехал. А Кононов – калач тёртый, сразу понял, что сейчас всё загубят, и Визгликову позвонил.

Со стороны дороги послышался шум автомобиля, на полянку выкатился новенький внедорожник Кирилла, из-за руля выпорхнула красивая девица, с заднего сиденья ещё парочка таких же красоток, а с пассажирского места медленно и вальяжно вышел Кирилл.

– Здорово, отдыхающие. – захлопывая двери, проговорил он. – Принимайте пополнение.

– Это наш Кирилл? – переглянулись оперативники.

– Ну судя по оболочке, вроде да, только я не очень помню, когда он успел таким мачо стать, – расплываясь в улыбке, сказал Погорелов.

***

Выгнав за дверь чересчур суетливых и словоохотливых бабулек, Визгликов ещё раз осмотрел квартиру, но пока что ровным счётом ничего не нашёл.

– Здравствуйте. – с порога послышался приятный женский голос. – Криминалиста вызывали?

Выйдя из комнаты, Стас увидел высокую, темноволосую женщину, скромно одетую в джинсовый, нынче не очень модный, костюм и держащую перед собой чемодан с инструментами.

– Да. – вздохнул он. – Станислав Михайлович, можно просто Стас, так быстрее.

– Юлия Дмитриевна, можно просто Юлия Дмитриевна. Покажите фронт работ.

– Вот эту картинку мне на пальчики обработайте, пожалуйста. – Стас указал на фотографию. – И ещё обстановку нужно посмотреть на наличие следов крови. Хотя я очень сомневаюсь.

Женщина, вынув из кармана клеёнку, аккуратно поставила на неё чемодан, ловко натянула перчатки и, сняв раму со стены, рассмотрела её со всех сторон.

– Вы это видели? – спросила она, поворачивая раму тыльной стороной.

Визгликов нахмурился, внимательно рассмотрел жирный отпечаток пальца и, шевеля губами, прочёл адрес.

– Нет, не видел. Не трогал ничего до вас. Так, давайте вы здесь осматривайтесь, а я по этому адресу метнусь, это недалеко.

– Но мы нарушаем процедуру...

– Юлия Дмитриевна, давайте вы будете выполнять указания следователя по особо важным делам без лишних слов. – оборвал её Стас и помолчав добавил. – Пожалуйста.

Во дворе, встретившись с запыхавшимся Астаховым, Визгликов махнул ему рукой и поманил за собой.

– Пошли дворами. Нам до проспекта, а там по прямой, так быстрее.

– А мы куда? – спросил Тёма.

– Надо кое-что проверить. – пространно ответил Стас, потому что и сам пока не очень понимал куда.

Добравшись до адреса, Стас походил вокруг жилого дома, потом его взгляд остановился на затянутых тканью витринных окнах с вывеской «АРЕНДА». Он подошёл к прорехе немного раздвинутых штор и, прислонившись к стеклу, посмотрел внутрь.

– Тёма, глянь туда, – оторвавшись от окна, сказал Стас.

– А что там? – быстро подойдя к витрине, проговорил Тёма.

– Вот ты мне и скажи. – раздражённо проговорил Стас.

– Палец, что ли, лежит на прилавке? – недоумённо протянул Астахов.

– Ну, значит, я не ошибся. – Визгликов быстро набрал номер и гаркнул Погорелову. – По коням, пьянь! Сейчас адрес пришло, чтобы все были. – Стас снова набрал номер и произнёс. – Алё, Польская. – глухим голосом проговорил Визгликов. – Я тебя просто ненавижу.

– Я к вам так же трепетно отношусь. Что случилось?

– Польская. Ну почему там, где ты, там обязательно какие-то долбанные загадки. В этот раз у нас записка и отрезанный палец. Срочно возвращайся, у нас новое дело.

***

Ветер раздражающе стучал сухой веткой в окно кабинета, и Нинель Павловна всё время отвлекалась на этот монотонный звук, потом снова пыталась втянуться в чтение отчётов. Но мысли опять разбегались в разные стороны, и заведующая моргом, в конце концов, не выдержала, бросила ручку на стол и откинулась на хрустнувшую спинку кресла.

– Нет, они дождутся, что я шею себе сверну, когда эта рухлядь сломается. – погрозила она неизвестно кому кулаком.

– Можно? – в приоткрытую дверь просунулась голова Лисициной.

– А тебе что дома не сидится в выходные? Ладно у меня квартальные отчёты не оформлены.

Анна Михайловна вынула из-за спины руку и поставила на стол торт.

– Поболтаем?

Сидящая перед ней женщина состроила кислую мину, похлопала себя по бокам и проворчала:

– Ну что, жировые складки, ждите прибавление. – Нинель вздохнула и добавила. – Аня, что встала-то, заходи, ставь чайник.

Лисицына подставила чайник под струю воды, набрала воду и, включив кнопку, тяжело опустилась на стул напротив Нинель Павловны.

– Я сплю с Визгликовым. – неожиданно для себя тихо проговорила она.

В какой-то момент Лисицына и Нинель Павловна вдруг поняли, что несмотря на разницу в возрасте они близки по духу, и это стало отправной точкой для ненавязчивой дружбы, где каждая могла открыть самый сокровенный секрет и не бояться, что это когда-то всплывёт.

– С ним теплее, что ли, спать? – не меняя выражение лица, отозвалась Нинель. – Или вы всё-таки какими-то взрослыми вещами занимаетесь?

Лисицына рассмеялась, выдохнула и почувствовала, что сковывающая её тайна теперь не такая тяжёлая.

– Да как-то всё глупо и сумбурно получилось. Выпили, поговорили и проснулись вместе.

– Один раз не считается. – отмахнулась Нинель.

– Так мы уже не один раз разговаривали. – Анна развела руками, встала и, покрутив головой, спросила. – А заварка у тебя где?

– В коньячной бутылке. – выдвигая ящик стола, вздохнула Нинель. – Вон в шкафчике возьми в упаковках баночки для анализов, вместо рюмок будут. Опять черти всю посуду растащили. – посетовала женщина. – Такие разговоры под чай как-то неприлично вести.

– Я честно не знаю, что делать. – опрокинув пряную жидкость в рот, развела руками Лисицына.

– Ну если он тебя устраивает, то чего мучиться-то? Вы оба свободные, чем плохо-то? – Нинель отпила глоток из пластиковой рюмки и прыснула со смеху, – Что наш Визгликов, огонь? Или только хвастается?

– Да не знаю, я. – закрывая лицо руками, покачала головой Анна.

– В смысле? – не поняла Нинель.

– Мы все разы до синих чертей напивались. – почти шёпотом проговорила Лисицына.

– А.

Нинель держалась сколько могла, мяла лицо, сдерживая улыбку, но потом прорвался первый смешок, и за ним понёлся оглушительный водопад хохота. Смахнув с лица очки, Нинель смеялась от души, трясясь всем могучим телом, переваливалась в кресле с боку на бок и вытирала ползшие по щекам слёзы, а Лисицына только смущённо улыбалась в ответ и разводила руками, пока заведующая моргом наконец не свалилась на пол из-за сломавшегося под ней стула. Лисицына бросилась её поднимать и вскоре, всё ещё посмеиваясь, Нинель встала и, пнув ногой распавшееся на две части кресло, сказала:

– Аня, как хорошо, что ты пришла, а то у меня такое плохое настроение было.

– Я тебя прошу, – Лисицына подняла руки, – давай на какие-то отвлечённые темы поговорим, а то у меня лицо, как у молодухи уже полыхает от смущения. Мне и так этот разговор не просто дался.

– Аня, ну неужели опять про работу, – улыбнулась Нинель, садясь на диван, – а так весело было. – она похлопала по месту рядом с собой. – Ладно, выдыхай. Давай я тебе расскажу, про тело из холодильника.

– О, давай. – оживилась Лисицына.

– Абсолютно испорченные мы с тобой бабы, другие бы весь вечер трепались про живых мужиков, а мы про трупы. – Нинель, оперевшись о подлокотник, встала с дивана, подтащила стул к своему рабочему месту и нашла нужную папку на экране компьютера. – Аня, ну наливай, хоть какая-то радость должна остаться. – Смотри, что мы имеем, – быстро освежив в голове информацию, сказала Нинель, – уж не знаю, хорошая это новость или не очень, но жертву расчленили уже после смерти. Содержимое желудка указывает на то, что перед смертью, девушка довольно плотно поела, мясо было, овощи, даже десерт проявился. Но пока в лабе ковыряются, может, сможем ещё что-то из этого выцепить. Так, что ещё? В принципе она была в хорошей физической форме, при жизни никаких увечий ей не наносили, точнее, непосредственно перед смертью.

– А причина смерти?

– А здесь, Аня, задета моя профессиональная гордость. – поджав губы проговорила женщина. – Я пока не поняла.

– Как это?

– А вот так. В тех частях, что нам доставили, не выявлена причина.

– Что значит в тех частях, что вам доставили?

– Ну, как тебе сказать, – Нинель округлила глаза, – пазл приехал не полностью, некоторых деталек не хватает.

– Нинель, – выдохнула Анна, – эти ваши шуточки.

– Если бы не они, Аня, мы бы давно здесь всем коллективом под присмотром психиатров проживали. – но увидев, как дёрнулось лицо Лисицыной, Нинель откашлялась и тихо уронила. – Прости. – динамики отразили звук пришедшего письма и, чтобы развеять неловкую

паузу, заведующая моргом сразу открыла почту. – О! Видишь не только мы с тобой работоголики, лаборатория тоже работает, письмо прислали. – несколько хмельно улыбнулась она и, не отрывая взгляд от экрана, застыла с рюмкой в руке, – Аня, я должна тебе кое-что сказать, – враз севшим голосом проговорила Нинель и аккуратно поставила коньяк на стол. – Читай.

Она повернула к Лисицыной экран и та, быстро пробежав строки, не мигая уставилась на Нинель:

– Это что значит?

– Это значит, что я для надёжности заказала ДНК-тест на отцовство Соболева и его предполагаемого сына, потому что мне крайне не понравилось его внутреннее наполнение, так как оно не соответствовало нужному возрасту. Но и никаких следов пластических операций я не увидела.

– И? – напряжённо спросила Анна.

– Аня, ты сама всё увидела. Тест отрицательный.

– И? – упрямо повторила Лисицына.

– Ты хочешь, чтобы я это сказала? – после короткой паузы, пристально глядя женщине в глаза, произнесла Нинель.

– Да.

– Аня, тот, кого вы поймали, может быть кем угодно, но он не сын Соболева, а это значит, что тот ещё на свободе.

Глава 2

Глава 2

По шершавому боку выломанной трубы, подгоняемая силой притяжения, ползла капля, в её зеркальном боку отражались остатки лета, скудеющий красками небосвод, намокшие и разбросанные по ковролину бумаги. Визгликов, вошедший в кабинет несколько минут назад, рассматривал упавшие на пол куски подвесного потолка, груды вспухшей насквозь бумаги, расплзшиеся по тканевым сидухам стульев влажные пятна.

От созерцания печальной картины его отвлек сигнал полученного сообщения, Стас нажал на экран и вслух прочёл послание:

– Над кабинетом прорвало трубу, нам выделили новое помещение. Геоточку прикрепила. – Визгликов тяжело вздохнул, ещё раз осмотрел руины прежнего места работы и добавил. – Что ж, радует, что это не новый офигенный дизайн, хотя предупредить можно было и заранее. Ну да ладно, мне здесь никогда не нравилось. – буркнул он и развернувшись пошёл на выход.

Обойдя все городские пробки скорой поездкой на метро, Визгликов вышел в родном районе, купил свежих плюшек в булочной, где уже с утра отметился скандалом в очереди за кофе, и направился к затерянному среди жилых домов небольшому строению. Оглядев свеженькое, словно сошедшее со страниц гламурного журнала по архитектуре, светло-серое здание, Стас пожал плечами, толкнул входную дверь и упёрся в перекрытый турникетом проход.

– Здравствуйте. – на него сурово взглянул пожилой мужчина с военной выправкой. – Вы по какому вопросу?

– По личному. – вырвалось у Стаса.

– Нет, дорогой товарищ, по личному сюда не ходят. – развёл руками охранник.

– А если я к Лисицыной? – прищурился Стас.

– По личному к Лисицыной, это только по записи. Нужно предварительно с ней созвониться.

– А если я её любовник?

– А-а, так вы, наверное, Визгликов? Станислав Михайлович?

– Это с чего вы так решили? – прищурился следователь. – Что, с утра по радио уже объявили? – Стас покосился на тихонько шепчущую новости радиоточку.

– Анна Михайловна так и сказала, придёт наш следователь, но нормально изъясняться не умеет. Говорит, вы время на него не тратьте, пропускайте, иначе он в языковых гаммах будет до вечера упражняться.

– Так я пройду?

– Разрешите документики полюбопытствовать?

– Ути какой любопытный, – не истративший весь заготовленный запал, Визгликов сделал из пальцев «козу» и легонько потыкал в живот смотрящего на него мужчину.

– Станислав Михайлович, я, как на пенсию с армии, ушёл, так несколько лет проработал в детском доме для трудных подростков. Вы себе представляете, какая у меня закалённая нервная система? – спокойно резюмировал охранник. – Так что мы с вами до вечера можем припираться.

– Вот. – Визгликов в открытом виде показал корочки. – А вас как величать?

– Айсбергов Кузьма Платонович. Кроме выходных дней буду здесь встречать вас добрым словом.

– А я что сюда теперь всё время ходить буду кроме выходных дней?

Шаги по уходящей винтом вверх кованной лестнице перебили намечающуюся перепалку, и Стас увидел чьи-то незнакомые щиколотки, обутые в чёрные туфли на высоких каблуках.

Через секунду в холле появился весь образ, и к мужчинам лёгкой походкой подошла высокая, темноволосая девушка, она мельком взглянула на Стаса, поприветствовала его, слегка дёрнув головой, отчего в ушах запрыгали длинные искрящиеся камнями серьги, на плечи упали незаколотые колечки волос, и в пространстве расцвёл насыщенный пряный аромат духов.

– Кузьма Платонович, – позвала она охранника, – вы могли бы вызвать телефониста, у меня линия не работает. А по мобильному я вам звонить не могу.

– Так точно, Вера Сергеевна. – немедленно отрапортовал Айсбергов. – Сейчас всё исправим.

– Спасибо. – слегка улыбнулась девушка и пошла обратно, плавно передвигаясь в пространстве.

Стас натужно пытался сообразить, кто бы это мог быть, и уже успел загрустить от того, что в команде прибавилась ещё одна симпатичная барышня. Ведь это могло значить только одно, оперативники на первых порах станут работать чуть менее внимательно и будут наперебой распушать хвосты и думать отнюдь не клетками мозга.

– Станислав Михайлович, вам тоже вверх по лестнице и на втором этаже направо. – из задумчивости Визгликова вывел голос охранника.

– Спасибо. – со вздохом проговорил Стас и пошёл к лестнице, по дороге оглядывая уютно спроектированное в стиле лофт пространство. – Держите пончик. – отстранённо сказал Стас и, раскрыв пакет, поднёс его охраннику.

– Благодарствую, но я на диете.

– Завидую. – покивал Визгликов и пошёл в указанном направлении.

Добравшись до большого прямоугольного помещения, уставленного столами и видневшегося за стеклянной перегородкой выделенного начальственного места, Стас, глядя на разбирающую бумаги Лисицыну, спросил:

– А за что нам такое козырное место досталось?

– И тебе привет. – задумчиво сказала Анна. – В управлении какой-то свёрхпотоп, больше свободных мест там не оказалось. Это здание предназначено под архив, экспертно-криминалистическую лабораторию и вещдоки, у двух последних, впрочем, вход с другой стороны. Вот и нам место нашлось.

– Мы как собаке пятая нога, то там, то здесь, – покивал Визгликов, – но мне здесь определён больше нравится, да и до дома ближе добираться. Ну что, какой стол можно занимать?

Лисицына оторвалась наконец от бумаг, глянула на Стаса и кивнула в сторону выделенного кабинета:

– Тебе туда.

– А ты?

– А у меня отдельный офис. – произнесла Анна. – Если пройдёшь прямо по коридору, то как раз в него упрёшься, а справа будет что-то типа столовой. Там, кстати, стоит отличная кофемашина.

– Что с тобой? – спросил мужчина, подойдя ближе.

– Через двадцать минут начнём собрание. Стас, прости, мне нужно подготовиться. – глянула на него Лисицына. – Есть много чего обсудить.

Лисицына развернулась, молча прошествовала мимо Визгликова, и мужчина остался в полном одиночестве.

– Ну что, – вслух проговорил он, – пойду заселяться.

– Здравствуйте, Станислав Михайлович.

– Польская, а я надеялся, что тебя при переезде между ведомствами потеряли. Или утопили, списав на потоп.

– Нет, сегодня не ваш день. – улыбнулась девушка. – Стол можно любой занимать?

– Да, иди вниз, ты будешь рядом с охранником сидеть. Он тут нервами своими хвастался, я хочу посмотреть, как от них одни лоскуты останутся через неделю, ты кого хочешь до срыва доведёшь.

– Значит, сяду у окна, – резюмировала Глаша. – А здесь хорошо, мне очень нравится.

– Глафира, в тебе что-то изменилось? – задумчиво произнёс Визгликов, кинув мимолётный взгляд на девушку.

Польская тряхнула гривой волос с преобладающим светлым цветом.

– Заметили? Я мелирование сделала. – улыбнулась она.

– Надеюсь, это что-то приличное. – поджал губы Визгликов и пошёл к себе.

– Так называется техника окрашивания, я решила, что буду уходить в блонд.

– Куда? – нахмурился Стас.

– Хочу сменить рыжий цвет на белый.

– А, я-то надеялся, что блонд – новое название декретного отпуска. – фыркнул Стас.

– Нет. Я решила, что если я не буду отвлекаться хоть на что-то, то превращусь в киношную закомплексованную бабищу, ненавидящую всех.

– Это ты сейчас на Лисицыну намекаешь, – приснул со смеху Стас.

– Не, ну вы в себе? – закидывая сумку на стол, спросила Глаша. – Вот уйду в частные детективы, будете скучать, вам ведь нравится меня троллить.

– Нет. Тогда ты будешь влипать в неприятности, а мне тебя вытаскивать. Лучше оставайся. – махнул рукой Стас. – Товарищ Погорелов и товарищ Латунин, я вас категорически приветствую. – окликнул он появившихся на пороге оперов.

Следом за ними в кабинет скоро вошла Лисицына, подошла к передвижной доске, установленной возле стены, и проговорила:

– Давайте поговорим, потом обоснуетесь на новых местах. Стас, что по делу, на которое ты выезжал?

– Печальная печаль. Из-за выходного дня долго возились, чтобы оформить взлом этого чёртового помещения. Короче, хозяин магазина, что сдаётся в аренду, за границей, возвращается через три дня. Палец, найденный на прилавке, вряд ли принадлежит пропавшей девушке. По крайней мере, по группе крови точно не сходится. Для точности сделали ДНК анализ, но пока что ждём результаты.

– Кто будет потоково вести это дело? – спросила Лисицына. – Не вижу леса рук.

– Давайте я. – тихо заметила Глаша.

– Хорошо. Дальше, что у нас ещё?

– Расчленёнка из Газели. – сказал Астахов.

– Есть намётки? – спросила Лисицына.

– Труп пока не опознан. – Визгликов полистал блокнот. – Ребята ДПСники все показания дали, Газельку криминалисты на винты разобрали и холодильник тоже. Пока что ничего толкового нет. – Стас вздохнул.

– Из прошлого, я копаю «Штопая сердца» и там есть ещё случай интересный, только я пока не могу найти родителей одной из пострадавших девушек. – сказала Глаша.

– По Лопатину-младшему что? – спросила Лисицына.

– Ищем. – глухо сказал Стас. – Сейчас кое-какие версии доработаю и доложусь.

Лисицына в ответ покивала, встала с места, походила по кабинету и со вздохом проговорила:

– В прессу, безусловно, просочилась информация о наших последних расследованиях, окрестили они нашего, – Лисицына прочистила горло, нервно поправила волосы, оппонента «Игрок». Не знаю, может, когда они клички упырям дают, это лучше продаётся. Суть не в этом, суть в другом. Нинель Павловна сделала анализ ДНК дяди Мити и сравнила с Соболевскими

результатами. Никаких родственных связей между ними нет. Да и следов пластических операций на нём тоже не было.

В кабинете повисла долгая, тяжёлая пауза, где было слышно, как еле-еле жужжат светильники и стучит об оконные стёкла мелкий дождь.

– То есть, этот самый Игрок жив? – уточнила Глаша.

– Этого я утверждать не могу, но поймали мы точно не того. – Лисицына облокотилась спиной о стену и, глядя в окно, сказала. – Я хочу, чтобы каждый из вас сейчас серьёзно подумал, потому что больше играть по его правилам мы не будем. Достаточно. Так что кто хочет уйти, я подпишу рапорт без лишних слов. И ещё, я ввожу мораторий на сочувственные взгляды и обсуждения того, что было. Мы берёмся за это дело с чистого листа, но имея в арсенале хорошую базу данных.

– Кто ведущий следователь по делу Игрока? – спросила Глаша.

– Я! – твёрдо ответила Лисицына. – Ну и ещё у нас на проверке остаётся информация о доведении до самоубийства Инессы. Сбор данных на Погорелове. – Лисицына помолчала и добавила. – Ну и поздравляю нас с обретением постоянного места. Теперь будем работать здесь, нашему отделу присвоили особый статус, что не добавляет оптимизма, потому что теперь все дела по маньякам мы обязаны будем проверять.

– Как это? – спросил Визгликов.

– Ну, если есть серия, то она переезжает к нам. Мы будем курировать следствие. В особых случаях забирать к себе.

– Смешно. А спать и есть мы можем? Или эти функции нам упразднили за ненужность? – покривился Визгликов.

– Если успеем, можем. – Лисицына хлопнула в ладоши. – Давайте за дело, у меня совещание в Главке, я через полчаса уеду, если есть вопросы, жду у себя.

Лисицына молча вышла, оставшиеся несколько минут помолчали, потом разошлись по местам, и жизнь потихоньку стала входить в рабочее русло.

– Я за кофе. Кому взять? – спросил Астахов, аккуратно разложив свои вещи на столе.

– Мне нет, я сама хочу наведаться на новую кухню. – натянуто улыбнулась Глаша и набрала номер телефона. – Яна, это Глафира. Мы можем сегодня встретиться? Отлично, я подъеду.

– Здравствуйте. – перешагнув порог общего кабинета, проговорила женщина с признаками увядания молодости на лице, которые она тщательно пыталась заштриховать косметикой.

– Добрый день. – Стас, стоявший возле принтера, поднял на посетительницу глаза. – Вы к кому?

– К Астахову. Где я могу его найти?

– Да вышел куда-то. – пожал плечами Визгликов. – Польская, ты не видела, куда Астахов делся?

– Он же сказал, кофе пить пошёл. – отозвалась сидевшая в углу Глаша.

– Сейчас позову, – буркнул Стас, проходя мимо вытянутой, как стрела и загородившей половину прохода, женщины и, выйдя за дверь, громко крикнул, – Астахов, к тебе мама пришла!

Добравшись до кабинета Лисицыной, Визгликов без стука ввалился внутрь, плюхнулся напротив сидевшей за столом женщины, и когда она попыталась что-то сказать, сделал знак рукой, чтобы она замолчала, показывая пальцем на мобильник.

– Я понял, понял, спасибо, родной, не забуду. – договорил Стас и посмотрел на Лисицыну. – Слушай, а молодая поросль славного рода Лисицыных дальше с нами работает, или он сломался о жёсткое эго Польской и свалил?

– Ему предложили остаться у Ковбойкина. Там есть необходимые мощности, оборудование и команда. Но он по-прежнему работает и с нами тоже, к счастью для этого необязательно

сидеть всем в одном кабинете. А иронизировать по поводу их личных отношений – неправильно. – Лисицына помолчала. – Я не знаю, что там произошло, но Кирилл очень изменился.

– Да, – выдохнул Визгликов, – Польская она такая, крутит мужиков в бараний рог.

– Стас, тебе заняться нечем?

– Есть чем. Анна Михайловна, Дмитрий Кононов, один из нашедших труп, несколько дней назад обратился ко мне за помощью. У него дочь пропала, ехала по дороге домой и исчезла. Могу, так сказать, факультативом пошукать по этому делу?

– У Мити Коконова? Как так? – нахмурилась Лисицына.

– Не знаю, я был на месте, но там такие глухие места. Так ты не против? Возьмёмся?

– Стас, я, безусловно, не против, но кто-то же уже занимается? Влезем в чужое расследование?

– Не впервой. Да и там такая шантрапа нерасторопная. Следак старый, опер детьми и ипотекой замотанный, не понравились они мне.

– Ну, помоги чем сможешь. – развела руками Анна. – Если у тебя всё, то иди отсюда, дел вагон.

– А я могу сегодня после работы пригласить тебя?

– Куда? – поджав губы, спросила Лисицына.

– В постель. – ляпнул Стас. – Точнее, сначала на ужин, а там как пойдёт.

– Визгликов, ты невыносим. – выдохнула Анна Михайловна. – Ты вообще, что ли, на собрании спал? Ты не слышал ничего?

– Аня, я всё слышал, но если мы не продолжим нормально жить, то к концу года коллективно свихнёмся и нам придётся пережить ещё один переезд, причём в ПНД.

– Иди отсюда. – Лисицына посмотрел на экран компьютера, потом снова на выжидательно глядящего на неё Стаса и проговорила. – Хорошо, Стас. Только дай мне сейчас работать.

– Так, ну всё, половую жизнь в список дел включил.

После этих слов Визгликов быстро ретировался в коридор, улыбнулся, услышав, что в дверь ударилось что-то тяжёлое, и пошёл на кухню, где стояла Глафира и топила улыбку в стаканчике кофе.

– Чё ты ржёшь, Польская?

– Я ретировалась из кабинета, – девушка покопалась в вазочке с конфетами, – там у нашего Тёмы отбирают гордость и самостоятельность, вот я и решила, что свидетели не нужны. Ах да, кстати, это жена его, а не мама. Кстати, она вас там на разговор ждёт.

– Чё это? – покривился Стас.

– Ну она красочно рассказала о том, что вы сбили её мужа с пути истинного. А сейчас она ещё к Лисицыной пойдёт жаловаться. А потом обещала до министра дойти.

– Значит, я совершил ещё один хороший поступок, – покивал Стас, – спас парнягу от зверя в облики престарелой нимфетки.

– А вот это я обязательно дословно процитирую в своём заявлении. – выкрикнула неслышно подошедшая к кухне жена Артёма и побежала в сторону кабинета Анны Михайловны.

– Тьфу ты, – шумно выдохнул Стас, – я чуть не родил. Интересно, а как она мимо нашего нового бультерьера внизу прошла, неужели усыпила беднягу? – буркнул он и добавил громче. – Так, Глафира, давай оперативников поделим. Тебе Тёма достанется, а я себе Погорелова возьму. А Латунин пусть пока в кабинете сидит, а то жалко инвалида по улицам гонять.

– А я лучше придумала, я сейчас одна поеду в кофейню и поговорю с Яной, она там кондитером работает. Зачем мне Астахов с собой? Он вполне может в мастерскую смотаться, где девочки машину оставили. Ну, конечно, после того, как решит свои семейные вопросы.

– Как знаешь. Ты девочка большая, разберёшься. – отозвался Визгликов и ретировался, когда услышал приближающийся голос Лисицыной.

***

Глафира с благодарностью приняла из рук Яны большую чашку ярко-рыжего облепихового чая и покосилась на испускающий ароматы тортик.

– Спасибо. Пока не скажу тебе ничего нового, – заметив выжидательный взгляд, проговорила Глаша, – расскажи мне какие-нибудь подробности её личной жизни. Молодой человек, увлечения, куда вы ехали. Сейчас мне нужно максимально знать про неё всё.

– Одиночка она. В подругах только я, – девушка отпила воды из стакана, – она людей не очень любит. Закончила исторический факультет, работала в архиве. Я её довольно редко могла вытащить куда-то из дома. Мы с детства дружим, честно, она иногда прям напрягает, потом жалко её становится.

– Почему?

– Не знаю. Что-то было в её детстве. Они с родителями тогда уезжали в другой город на год, она вернулась другая. Я спрашивала, отмалчивается. Не знаю. – покачала головой Яна.

– С родителями связалась?

– Да. Завтра приедут.

– А машина твоя в сервисе стоит?

– Нет. Её машина. Откуда у меня-то? – фыркнула девушка. – Нас с мамой, папаша героически бросил, как школу закончила и всё превратилось в пыль. Теперь только работа с утра до вечера. Мама ни дня не работала по жизни, так что я за двоих отдуваюсь. – Яна замолчала, потом с улыбкой глянула на Глашу. – Что-то я разоткровенничалась с тобой. Ещё вопросы есть?

– Ты говоришь, что с детства дружите, а я её в школе не помню.

– Она в английской школе училась. Мы с ней во дворе как-то подрались, потом подружились.

– С трудом могу представить, чтобы ты дралась в детстве. – заметила Глафира.

– А я с трудом представляю, что ты работаешь следователем, а я пеку пирожки. Как показывает жизнь, мы мало что друг о друге знаем. Мне на производство нужно.

– Яна, ещё раз попробуй покопаться в памяти и вспомнить последние события. Ну так бывает, что за обыденностью не замечаешь главного. Я понимаю, что она была замкнутой, но, может быть, что-то стало не так. Например, более закрытой стала или, наоборот, с каких-то сторон открылась. И напиши мне телефон её родителей, нам нужно побеседовать.

– Телефон перекину, а по первому вопросу я правда не знаю что сказать.

– Хорошо, – задумалась Глаша, – тогда ещё раз подробно, как она пропала?

– Мы поехали к друзьям в Волхов на машине.

– По дороге вы останавливались?

– Ну да, эта клуша забыла заправиться, мы на выезде на трассу остановились.

– Помнишь где?

– На выезде, Глаша, там одна АЗС. Могу на карте показать.

– Геоточку пришли мне, пожалуйста. Там были какие-то разговоры? Подходил кто-то?

– Да, заправщик к машине. Даже словом с ним не обмолвились. – слегка раздражённо сказала Яна. – Глаша, ты реально думаешь, что нас по дороге мог срисовать какой-то, прости, маньяк, ехать за нами по дороге, потом за несколько минут её выкрасть так, чтобы никто не заметил, а потом поехать к ней в квартиру и оставить там эту записку?

– Ты зря иронизируешь. – пожала плечами Польская. – Поверь в моей практике бывало и не такое.

– Я вообще не понимаю, как тебя занесло в органы. Мне говорили, ты сделала какую-то сумасшедшую карьеру в столице, замуж выходишь.

– Ну как-то не сложилось, – отозвалась Глафира, – давай ближе к делу. Там просто платформа или ж/д станция.

– Просто платформа. Мы стали подниматься, я в магазин пошла воды купить.

– На платформе люди были? – спросила Глафира. – Ты пойми, я задаю вопросы не просто так. Наши ребята просмотрели все камеры на платформе, мы видели, как вы с ней поднимаетесь, и ты уходишь. Потом видели, как ты вернулась, а она и правда словно исчезла. Но это невозможно, были люди, кто-то бы что-то видел.

– Были. Два мужика слонялись и бабка с сумкой на колёсиках.

– Не только на платформе, может быть, ты обратила внимание на машину, припаркованную рядом, может, кто-то слишком быстро ехал для грунтовой дороги, слишком сильная тонировка у стёкол.

– Глаша, ты прости, мне нужно работать, я уже реально всё тебе сказала. Если что-то вспомню, то напишу. – Яна встала из-за стола, но вдруг нахмурилась и села обратно. – Что ты сказала про грунтовые дороги?

– Может быть, кто-то ехал по грунтовке с большой скоростью. Обычно люди берегут свои машины, ну и потом по камерам видно, что вокруг лужи, никто бы не стал носиться.

– Было. – Яна вскинула на неё глаза. – Я когда из магазина шла, то по соседней улице, пронёсся автомобиль. Просто проскочил, я саму машину не видела, так мелькнула в прорехе между домов, и всё.

– В какую сторону поехал?

– К магазину. Там как раз рядом выезд на главную дорогу.

– Ну вот, – выдохнула Глаша, – это уже что-то.

– Разве это что-то даст?

– Да. Если никто ничего не заметил, значит, человек, похитивший её, был, скорее всего, с ней знаком. Также мы знаем направление и точку, где с большей вероятностью появится машина похитителя.

***

Стас, припарковав машину, вышел на пустую сумеречную улицу, поглядел на стоящие вразнобой редкие фонари и, набрав участкового, сказал:

– Я на месте. Вы скоро? Жду.

Пройдя по дороге, он оглядел густо намазанные слоем подсохшей грязи заборы, стоящие по обочинам, проваленные глазницы нежилых домов, открытые рты выставленных дверных проёмов и покачал головой:

– Просто рассадник для вурдалаков всех мастей.

Неподалёку остановился еле пыхтящий автобус пенсионного возраста, из него выскочила невысокого росточка девочка и пошла по боковой дорожке, теряющейся в лесу.

– А потом плачущие матери клянут полицию на чём свет стоит и говорят о бездействии.

– Чего?

Визгликов обернулся на мужской голос и кивнул неслышно подобравшемуся участковому.

– Я говорю, вон девочка одна в этих куцах домой пошлёпала.

– А, так это Степановых, старшая. Они за полкилометра живут, младшая через час приедет.

– Да неужели, – покивал Стас, – и так же одна по лесу?

– Ну а чего делать? Мать целый день на работе, сам Степанов без ног, бывший железнодорожник. Подпростыл, инфекцию подхватил, и всё. Кирдык и ампутация.

– Так, ладно. Пошли к нашей свидетельнице.

– Приболела, наверное. Звонил, не берёт трубку. – участковый пошёл вперёд к дому очевидицы, что вызывала полицию. – В магазин сегодня не приезжала, хотя лясы точить каждый день ходила. Одинокая она.

– Пошли.

Поднявшись по расшатанным деревянным ступеням, мужчины вошли в сырое пространство двухэтажного дома, участковый потянул на себя первую дверь и крикнул куда-то в еле освещённое лампочкой пространство:

– Лексеич, ты не знаешь, соседка твоя дома?

– Отвали! Я служил! – прикатился обратно злобный рык.

– Понял, – вздохнул участковый, – опять неделя гранёного стакана. Пошли дальше. В доме две квартиры. Его и её.

Шаткая лесенка привела их на второй этаж, участковый постучал по растресканной матерчатой обшивке двери, отчего дверь провалилась внутрь и открылась.

– Хозяйка, ты дома? Одета? А то тут много мужчин к тебе в гости. – весело крикнул участковый и подошёл к постели, где лежала пожилая женщина. – Спишь, что ли? День уж светлый.

– Стоять! – гаркнул Стас. – Руки. – остановил он мужчину, когда тот хотел потянуть за край одеяла.

– Помёрла? – понизив голос спросил участковый.

Визгликов выудил из кармана перчатку, натянул её и, приподняв одеяло, прикрыл глаза.

– Убили.

– С чего?

– Ну не сама ж она себе голову отрезала и на подушку обратно положила. – рывкнул Стас.

– А тело-то где? – ахнул участковый, видя пустое пространство на постели.

– По делам, видимо, ушло. – в очередной раз гаркнул Визгликов и нечаянно пнул стоящий неподалёку стул.

Стул упав задел дверцу шкафа, которая немедленно открылась, и оттуда вывалилось тело старухи.

– Господи, – выдохнул Стас, глядя в окно на небо, – ты меня как-то по-особенному не любишь? – Визгликов посмотрел на обмотанную полиэтиленом обезглавленную шею и набрал номер телефона, – Латунин, организуй мне криминалиста и медика. И Погорелова найди. – отключившись, следователь глянул на скорбного участкового. – Понятых организуй. А я пойду воздухом подышу, – сказал Стас, у которого уже першило в горле от спёртого духа жилья.

Выйдя на улицу, Визгликов добрался до местного магазина, поглядел на стреляющую глазками молодую продавщицу.

– Можно воды, пожалуйста.

– Вам какой? – наматывая тёмный локон на палец, игриво спросила девушка.

– Леся, брысь в подсобку, работать, – быстро оборвала её тучного вида женщина, – что хотели?

– Воды. Скажите, часто к вам заходят чужие люди. Не местные?

– Что предлагаете? – угрюмо спросила продавщица.

– Исключительно услуги правоохранительных органов, – раскрывая корочки, сказал Стас.

– А. – вяло отозвалась женщина. – Думала торговый представитель. И так покупателей ноль, а они всё лезут. Не свои нечасто. – ответила она на вопрос. – Рядом цивильная заправка, чуть дальше магаз сетевой, что им здесь делать?

– А торговые часто заходят? – зацепился за информацию Стас.

– Раза два в неделю точно.

– Всегда разные?

– Ну, те, что с нами работают, одни и те же. Новые разные, конечно, – пожала плечами женщина.

– Сможете мне составить перечень компаний, с которыми работаете постоянно. Написать телефоны ребят и имена.

– Да, могу, конечно. Что случилось-то?

– Так третьего дня машину здесь бросили. Ну помните, кипиш был?

– А, ну да. Я только ничего не видела, мы уж закрыты были. Но список сделаю. Но ребята все нормальные, хорошие. Не думаю, что они могли бы быть виновны.

– Да я ж не обвиняю, – улыбнулся Стас, – мне бы просто поговорить.

Выйдя на улицу, Стас увидел, как микрик следственного комитета повернул за угол и поторопился вслед за ними.

– Юлия Дмитриевна, вы опять с нами? – поднявшись по лестнице, спросил он.

– Юрий Арсеньевич взял отпуск. Пока с вами. – раскладывая чемоданчик, сказала женщина.

– Ну и славно. – отозвался Визгликов и задержал взгляд на крохотном синем пятнышке на шее женщины.

Юлия, заметив это, нервно поправила высокий ворот свитера, откашлялась и стала осматривать место происшествия.

– Нинель Павловна, что ж сами? – развёл руками Визгликов, заметив поднимающуюся заведующую моргом.

– Смотрю на тебя, Визгликов, и столько нового для себя открываю. – покачала головой запыхавшаяся женщина.

– Не понял?

– Пойдём, Стасик, работу работать. Ты ж мужик, ты не поймёшь. Так, давайте мне стул какой-нибудь, а то совсем умоталась я и свет нужен, такие потёмки. Не разберёшь, что к чему.

Пока следственная бригада фиксировала улики, Стас подошёл к окну, осмотрелся, а потом позвонил Погорелова:

– Серёжа, посмотри на вон ту лань длинноногую. – Визгликов кивнул в окно, где вдалеке на трассе тёрлась девица, одетая в короткие шорты и крохотную курточку. – А ещё здесь девочки ходят со школы домой, – Визгликов рубанул воздух ладонью. – Прямо по лесу, лови не хочу. Продавщица в магазине молоденькая работает.

– И чего?

– Того, Серёжа. Вместе с пестиком, нужно мозг из сейфа доставать. Приехал он ровно за дочкой Мити Кононова. А это плохо. Значит, следил, охотился. А так как прошло уже четверо суток и с учётом этого, – Визгликов кивнул на санитаров, укладывающих части тела пожилой женщины на носилки, – нет у меня уверенности, что найдём мы девушку живой.

На остановку снова приехал автобус, оттуда выпрыгнула младшая дочь Степановых и, потихоньку подпрыгивая, побежала в наступающую ночь, таща на спине большой рюкзак с учебниками.

Глава 3

Глава 3

В стенах бывшего завода, где теперь обитала модная фотостудия, между стенами металась яркие вспышки, гремел однообразный бит, сквозь который пробивался подбадривающий моделей голос оператора.

– Глаша, Глаша, тяни носок и чуть выше ногу поставь. Супер! Ты просто звезда! Богиня! – молодой высокий мужчина с характерно вытянутой вперёд шеей, оттого что она всё время испытывала тяжесть фотокамеры, прокричал. – Так, всё, мои королевы! Всё, на сегодня аут. Все большие молодцы. Глафира, подойдешь?

– Да, Сава. – Глаша, спустившись с подиума, остановилась возле мужчины.

– Милая, ты просто исключительно фотогеничная. Фактически ламповая тьян, то есть таких очень сложно встретить, даже несмотря на твой возраст, ты сейчас без всяких, но прости у моделей свой предел. Так вот, у меня для тебя может получиться классный контракт.

– Нет, Сава, спасибо.

– Ты даже цифру не услышала и условия. – оторопел от такого скорого на его памяти отказа фотограф.

– Мне не подходит. Для меня это хобби. – Глаша потрясла головой, а за совет по колористике цвета особое спасибо. Мне так гораздо больше нравится.

– Просто хобби? Но ведь хобби может бабки принести.

– Не всё в этой жизни бабками и детками меряется. – улыбнулась Глафира.

– Чё, у тебя папик богатый?

– Ну можно и так сказать. – улыбнулась Глаша. – Можно шляпу возьму поносить на денёк? Завтра завезу. – проговорила Глаша.

– Не вопрос. – задумчиво сказал Сава.

Глаша всё время старательно замазывала дыру в прорехе памяти, где вздымались всполохи недавних событий, и страхи скалились в кривой усмешке, не давая спокойно спать, думать, жить. Обязаловка с психологом не помогала, потому что нервный мужчина мало походил на лекаря душ, к тому же он всё время смотрел на часы в ожидании прекрасного момента, когда же наконец уйдёт очередной нудный пациент, а с ним и толпа его внутренних проблем. И Глафира нашла для себя другой способ вырываться из густого варева кошмаров. Курсы флориста, бесконечные мастер-классы по готовке, а теперь ещё и курсы моделей...

Сейчас Глаша стояла перед большим зеркалом, вмонтированным в дверь шкафа, и смотрела на края широкополой шляпы.

– Польская, что у тебя на башке? – пробегая мимо девушки в свой кабинет, спросил Визгликов.

– Шляпа.

– Да я вижу, что не ведро. Ты чего теперь так ходить будешь или нам новую форму выдали?

– Нет, на фотосессию пригласили.

– Лучше бы тебя замуж пригласили.

– Вам не надоело?

– Нет! – рявкнул чем-то недовольный Визгликов и скрылся за стеклянной перегородкой.

У Польской на столе зазвонил телефон, и она, стянув шляпу с головы, аккуратно повесила её на вешалку.

– Я слушаю.

– Здравствуйте. Это отец Марины Ефремовой. Мне ваш телефон дала Яна. Я отец пропавшей. Вы сегодня вроде как должны к нам приехать.

– Что-то случилось? Есть новости?

– Нет. Просто не хочу при жене говорить, боюсь её расстроить. Понимаете, когда мы были тогда там, то там начали пропадать девушки. От тринадцати до семнадцати лет.

– А там это где? – поинтересовалась Глаша.

– Город под названием Южный. Мы там дамбу проектировали. И я узнал о том масштабном происшествии, потому что для города открытие дамбы было целое событие и, конечно, вся верхушка приехала бы и пресса, а тут такое. Я тогда за Маришку сильно испугался, а тут как раз жена говорит, что надо бы в Питер поехать, квартиру подготовить и путёвки на отдых сообразить. Я только рад был.

– Подождите, подождите, – Глаша закусила губу, – давайте по порядку. Что за масштабное происшествие?

– Я же говорю, – мужчина закашлялся, – девушки стали пропадать. Трое. И Мариша очень сильно после этого изменилась.

– А почему вы считаете, что ваша дочь замкнулась именно из-за этих событий. Тем более, вы говорите, что мало кто знал о происходящем.

– С ней девочка одна дружила, Ларисой, – мужчина помолчал, – так вот она была одной из трёх пропавших. Они накануне отъезда повздорили, а за несколько дней до того, как мои уехали, Лариса пропала. Её мать бегала как безумная, я её прекрасно понимаю, она стучала во все двери, бесконечно просила Марину вспомнить, о чём они говорили. Она просто вымотала мою дочь, и я думаю это послужило развитию тяжёлой депрессии, это нам психолог так потом сказал. Ну, до встречи. – буквально на полуслове мужчина оборвал разговор и повесил трубку.

– А как бы было хорошо, если бы люди не боялись близким рассказывать правду. – повесив трубку, проговорила Глаша и глянула на спешащего на выход Визгликова. – Правда, Станислав Михайлович?

– Польская, ты меня пугаешь. Это, кстати, чистая правда. И если ты завтра придёшь в костюме космонавта, то я поспособствую твоему трудоустройству в космические войска. Благо у нас там всё настолько хорошо, что даже тебе развалить не удастся.

– Я высоты боюсь. – крикнула Глафира в спину исчезающему в пролётах лестницы Стасу. – Южный, Южный, – задумчиво проговорила девушка и, быстро написав запрос о делах давнопрошедших дней, отправила его в следственный комитет города Южный.

Несколько секунд подумав, Глафира вспомнила свой последний разговор с Кириллом, когда по неизвестной ей причине сказала, что тот утомляет её ухаживаниями. И с тех пор в её личной жизни молодой человек не появлялся.

– Кирилл, привет. Нужна помощь. – набрав номер, сказала она.

– Привет. – довольно сухо ответил молодой человек. – Наш отдел как всегда на передовой по нарушению протоколов?

– В смысле?

– На почте есть рассылка с подробной инструкцией. Если тебе что-то нужно по делам, которые ты ведёшь, то ты присылаешь инфу админу, который работает двадцать четыре на семь. Он дальше распределяет нагрузку на сотрудников. Почитай инструкцию, там всё подробно расписано. Я старался.

– Хорошо, спасибо.

– Ну пока. – скоро попрощался Кирилл и повесил трубку.

– Пока. – сказала Глаша в пустоту и стала собираться на выход.

***

Погорелов, по заданию Визгликова уже стоптавший ноги в изрытом ямами микрорайоне, где пропала дочка Кононова, заехал на заправку, потыкал в кофейный автомат и обернулся к продавцу.

– Как кофе налить?

– Платишь, пьёшь.

– Всё никак у людей. – вздохнул Сергей и поплёлся к прилавку, краем глаза зацепив слоняющуюся по дороге девушку, которую они с Визгликовым наблюдали из окна.

– Интересует? – вяло спросил продавец.

– Разберусь. – отходя от стойки со стаканом, отрезал Сергей.

– Не, она только со своими будет разговаривать. С пришлыми только через меня.

– Почему? – нажав кнопку «капучино», спросил Погорелов.

– Ну, чтобы если потом её в лесополосе задушенной найдут или с потрохами наружу, я бы ментам тогда дал номера машины и внешность водилы.

– Продумано. – покивал Погорелов и достал корочку. – Интересует, но не по профилю.

– По бабке?

– Да.

– Зову? Кофе ей возьми и пожрать чего-нибудь. С утра небось голодная.

– Плохо платят?

– Не, отчим лупит по вечерам, если не принесёт денег сколько надо. Он военный бывший, лупит так, что синяков нет, а внутренку нормально взбалтывает. Вот она бабло и бережёт. Так что? Зову?

Погорелов, потихоньку усваивая информацию, покивал и присел за столик в углу небольшого кафе. Оперативник смотрел, как, намеренно выбрасывая ноги вперёд, идёт по направлению к зданию девушка и, отведя глаза, отпил кофе.

– Что хотел? – вгрызаясь в бутерброд, спросила барышня и села напротив Погорелова.

– Здравствуйте. О вчерашнем преступлении слышали?

– Здесь новостей мало, так что все слышали. И о том, что ты здесь с самого утра тоже слышали.

– Судя по заключению судмедэкспертов...

Девушка откинула назад голову, потрясла копной тёмных волос и, проведя ладонью по длинной шее, посмотрела на Погорелова:

– Чужих вроде не было. Но я же не всегда здесь стою, отъезжала, может и проскочил кто. Я в одиннадцать вечера вообще стараюсь либо с клиентом уехать, либо в кафе пересидеть.

– Почему?

– Да на станции замкнуло, что ли, что-то, и каждый вечер уже полгода в одиннадцать во всём посёлке отключается свет на пятнадцать минут. Уже и жаловались, и писали, а толку, – махнула рукой барышня. – Слушай, прости за наглость, страсть как мороженое хочу. Угостишь? – девушка улыбнулась, и Погорелов вдруг увидел какую-то страшную, почти старческую усталость в глазах молодой девушки.

– Ну да, – неловко пожал плечами молодой человек, – какое тебе?

– Я сама возьму, – весело вскочила она, – не волнуйся, дорогое брать не буду.

Выбрав себе шоколадное лакомство, девушка присела обратно и, откусив маленький кусочек, проговорила:

– Про бабку точно не скажу. А про девушку, насчёт которой кипиш был на днях, интересно?

– Конечно.

– Она, видимо, заблудилась. Подъехала к заправке, спрашивала у дальнобоя дорогу, потом ко мне подошла. Ну ты понимаешь, ко мне женщины редко подходят. Она вроде как и не поняла, чего я там стою, подвезти предлагала. – усмехнулась девушка. – Так вот, за пол-

часа перед ней на ту дорогу свернул серый, неприметный минивен. Ну не микрик, а такой, как универсал, что ли. Криповый такой.

– Какой? – поморщился Погорелов

– Тревожный.

– Почему считаешь, что тревожный?

– Я на дороге третий год стою. В такие ситуации попадала, что теперь на раз выпасаю, куда можно сунуться, куда не надо. Вот я бы ни за какие деньги в ту машину не села.

– А сколько тебе лет? – неожиданно спросил Погорелов.

– Как восемнадцать стукнуло, так на следующий день на трудовую вахту встала. – фыркнула барышня. – Но я тебе вот что ещё скажу, серый микрик приехал не с основной трассы. – повернувшись к продавцу, она крикнула. – Гарик, дай карту!

Молодой человек лениво обогнул стойку, бросил на пластиковый стол сложенную бумажную карту и снова ушёл.

– Не обращай внимания. Любит меня, на побег копим. – улыбнулась она. – С детства вместе. Когда-нибудь заживём.

– Тебя кто-то удерживает? – напрягся Погорелов.

– Жизнь. Я без образования, делать мало что умею, Гарик со справкой, он у меня слегка того. – она постучала пальцем по голове. – Так что если мы сейчас дёрнем, то выбравшись из этого дерьма, в ещё худшее влезем. А при деньгах, нормально, пробьёмся. – она вскинула на него глаза. – Ты слушать-то будешь или тебе неинтересно? – девица ткнула в тропу, которая выходила на основную трассу. – Вот перед этой грунтовкой, есть другая, менее приметная. Так вот, там карьер разрабатывали и, скорее всего, он отсюда приехал, машина была в рыже-красноватых подтёках. Там песок именно такой.

– Спасибо. – проговорил Сергей и, достав кошелёк, выудил оттуда несколько купюр.

– Не, деньги Гарику отдай. Бабло в семье у мужика должно быть.

Выйдя на улицу, Погорелов стряхнул с себя налёт чужой печали, сел в машину и поехал по заданным координатам. Свернув с основной трассы на второстепенную дорогу, мужчина еле удержал руль, чтобы не съехать в развезённую дождями колею, но успешно вывернув на сухое место, вышел из машины и осмотрелся. И уже через несколько секунд его взгляд упёрся в точно такую же машину, как описывала девушка с заправки.

– Алё, Стас, кто из криминалистов у нас работает? Я запутался.

– Юлия Дмитриевна. – буркнул Стас. – Ты что-то нашёл?

– Ну, похоже, что да. Подъедешь?

– Если будет необходимо, да. А так я сейчас сильно в бумагах закопан. Откопаюсь, приеду.

***

Лисицына, выйдя с оголяющего нервную систему собрания, быстро ретировалась на улицу и, пройдя несколько переулков, осела в симпатичном кафе, чтобы выпить бодрящую чашку кофе и хоть что-нибудь перекусить.

Анна Михайловна разложила перед собой блокнот, вытащила ручку и, набросав краткую схему, обозначила шесть окон, которые были идентичны тем, что Игрок открыл для них во время того, как Лисицына была заперта в подвале. Блефовал он насчёт взрывов или нет, но никаких страшных последствий, к счастью, не было, хотя может быть и потому, что они выполнили все его условия. В любом случае для них так и осталось загадкой, кто эти люди, жившие на экране. Объединяло их одно, все они были пожилыми.

Сейчас Кирилл со своей командой буквально по крупичкам разбирали изображение, чтобы следователи могли вычленивать важные моменты и по ним определить, откуда шёл сигнал.

Сложность была в том, что сейчас осталась только запись того дня, а на тех экранах изображение пропало, как только Лисицына вышла из камеры.

– Алё, Кирилл, – Анна набрала номер сына, – скажи мне, есть что-нибудь новое?

– Да, я квартиру снял и переезжаю.

– Я не об этом, – отмахнулась женщина, – я про картинку с подозреваемыми, – вдруг она оборвала себя на полуслове, – что ты сказал?

– Я говорю, что переезжаю.

– Очень интересно. И ты решил мне сообщить вот так, походя, по телефону?

– Нет, мама. Я решил накрыть торжественный ужин, а точнее, пригласить тебя в ресторан.

В пятницу. Замётано?

– Да, хорошо. – в некотором замешательстве ответила женщина.

– Ну и отлично. По картинкам пока инфы нет. Работаем. А теперь я побежал, мам, очень много работы. Здесь ещё Ковбойкин добавил жару. Целую.

С одной стороны, Анна порадовалась за сына, который теперь точно стал взрослым, с другой – было немножечко грустно, потому что в его детство закрывалась ещё одна, последняя, дверь, а это значило, что он стал совсем взрослым, и ей теперь придётся приходить в пустую квартиру.

– Алё, Стас, – набрав номер Визгликова, сказала женщина, – а давай сегодня напьемся.

***

Быстро разобравшись в лабиринте новостроек, Глафира сверилась с адресом, позвонила в домофон и вскоре уже стояла в прихожей большой и светлой квартиры родителей пропавшей девушки.

– Вам чай или кофе? – спросила бледная женщина с неопрятно убранными спиралями волос и несвежей футболке. – Простите, я места себе не нахожу. Нас не было полгода и тут такое.

– А где вы были?

– Мой муж, – она судорожно вздохнула и потянулась за сигаретами, – сейчас он придёт, он в магазин вышел. Он занимается вопросами водоочистных сооружений, проектированием искусственных водоёмов и так далее. Работает на себя и зачастую его вызывают в длительные командировки. Раньше все вместе ездили, теперь дочка выросла, и я сопровождаю его одна.

В коридоре послышался звук открываемой двери, квартира тотчас наполнилась едким запахом сердечных капель и на кухню стремительно прошёл сухонький, невысокий мужчина с кудрявым безобразием на голове. Глаша ещё подумала, что причёски у мужа и жены очень похожи.

– Здравствуйте. Глафира Польская.

– Да, да.

Он сделал незаметное движение, призывающее молчать об утреннем разговоре, Глаша согласно кивнула и продолжила:

– Скажите, пожалуйста, могли бы вы в ближайшее время проехать на квартиру вашей дочери с нашим оперативным работником и внимательно посмотреть, что пропало в квартире? Злоумышленник оставил адрес внутри квартиры, значит, он там был, может быть, он забрал что-то с собой.

Глаза разбитой горем матери наполнились слезами, лицо женщины резко покраснело, и она вылетела из кухни, бормоча извинения.

– Простите её, очень сложно держаться.

– Я понимаю. – покивала Глаша. – Я, конечно, не психолог, но в жизни ребёнка должно было произойти какое-то более значимое событие, чтобы она поменялась. Я соглашусь, что потеря подруги может так повлиять, но всё-таки защитная система взрослеющего организма,

тем более гормональный бум, происходящий в этом возрасте, должны были стереть острые грани таких воспоминаний.

– Ну она же не всегда такая ходила, как говорит моя жена «глаза в землю». Бывали светлые моменты, она вдруг становилась счастливой, радостной, просто летала. А потом снова пропасть.

Поговорив ещё несколько минут с отцом Марины, Глафира засобиралась на выход, но возле лифта её окликнула мать девушки.

– Простите, подождите меня. – крикнула ей заплаканная женщина. – Позвольте, я с вами немного прогуляюсь.

– Конечно.

– Меня Полина зовут. – сказала спутница.

– Я помню. – улыбнулась Глаша.

Молча спустившись, женщины вышли на улицу и Полина, поискав в сумке сигареты, закурила.

– Давно бросила, а сейчас прямо не могу. Хоть немного успокаивает, – показывая на играющую в дрожащих кончиках пальцев сигарету, сказала женщина. – Марине ещё в детстве поставили синдрома Ретта, потом диагноз не подтвердился. Пока всё было неясно я столько клиник оббегала, столько свечек поставила, – женщина покачала головой, – а когда стало всё ясно, я бросила курить, хотя до этого дымила как паровоз. Я как-то почувствовала свою вину и в этот момент во мне, наверное, проснулся материнский инстинкт.

– Вы считаете, что знаете истинную причину её изменений? – Глаша подтолкнула разговор в нужное русло.

– Странно такое слышать от матери, но я очень плохо знала свою дочь, – женщина глубоко затянулась сигаретой, – нет, мы вполне прилично общались. Иногда она, конечно, как-то выпадала, но это нормально для подростка. Но перед самым отъездом из командировки, где-то за месяц, случилось одно событие. Я бы не хотела, чтобы знал мой муж, ну и чтобы вы шли по ложному следу и тратили время, думая, что с ней что-то случилось. – выпустив густую струю дыма, она покачала головой и продолжила, – если бы время можно было повернуть вспять, я бы сделала всё по-другому. Летом мы сняли дом, там рядом озеро было, прекрасное место для отдыха, и где-то за неделю до отъезда я уехала на выставку, а дочка сказала больная, но там был какой-то форс-мажор, короче, я неожиданно вернулась и увидела, как из нашего окна выпрыгивает мужчина. Не нужно говорить, как я перепугалась за дочь, а оказалось, это был её кавалер, и у них были весьма близкие отношения. Нужно понимать, что моей девочке было пятнадцать. Конечно, для меня это было шоком, особенно когда я узнала, что ему около тридцати.

– Его не привлекли к ответственности?

– Его не нашли, точнее, не искали, и в нашей жизни он больше не появлялся. Я на следующий день увезла дочь в Питер, потому что она сказала, что, как только ей будет шестнадцать, она будет просить разрешения на брак. А если мы не разрешим, то сбежит. У моего мужа очень ответственная работа и они тогда сдавали сложный проект, так что я не стала его беспокоить, а так как до отъезда оставалась всего неделя, то я просто сказала, что мы поехали приводить квартиру в порядок. – прикрыв глаза, женщина помолчала и тихо добавила. – После этого моей дочери словно не стало. Она была весёлая, бойкая, а как я увезла её оттуда, то она замкнулась в себе. У неё блестящий, острый ум, ей пророчили хорошую карьеру, и мы думали, она пойдёт учиться на экономиста. Но девочка выбрала скучный исторический факультет и закрылась от мира в архиве.

– Вы могли бы мне списком прислать институт, где она училась, место её работы и если всё-таки были друзья, кроме Яны, то и их тоже.

– Да, конечно. Я просто плохо себе представляю, с кем она дружила, но максимально вспомню. Я сейчас дойду до магазина и сразу домой. Оттуда всё напишу.

Глафира, попрощавшись с Полиной, медленно пошла по улице, пытаюсь разгрузить голову и как-то структурировать полученную информацию.

– Алё, Рома, привет. Ты уже в офисе? – набрала она номер Латунина.

– Нет, но через полчаса буду.

– Можешь для меня поднять инфу по проекту «Штопая сердца». Мне нужны контактные данные родителей одной из девушек, которых тогда в посёлке психиатр окучивала. Именно эта девушка уехала и оставила записку. Помнишь?

– Да. Доеду до офиса и сделаю.

***

Визгликов, услышавший шум через открытую дверь кабинета, посмотрел на вход и увидел, как на пороге офиса в нерешительности остановился молодой человек, про которых принято говорить «косая сажень в плечах».

– Кто главный? – прозвучал раскатистый и громкий бас.

– В нашей стране один главный. – заметил со своего места Визгликов.

Посетитель широким шагом проследовал по пустому кабинету и, заполнив собой весь дверной проём в кабинет Стаса, добавил:

– Краснов Павел Васильевич. Следователь посёлка городского типа Южный.

– А, ну тогда ой, – Визгликов шутиливо поднял руки вверх. – И что?

– У вас маньяк, который адреса пишет и отпечатки оставляет?

Визгликов пожал плечами и, открыв тумбочку, посмотрел внутрь:

– Да вроде нету, пусто.

– Это наш маньяк.

– Одомашненный, что ли? Вы его погулять выпускаете? А чего тогда без намордника и с открытой визой?

– Не понял.

– Ну если маньяк ваш, то зачем вы его к нам-то отпустили. Ну, написали бы в увольнительной, что передвижение строго в рамках вашего посёлка городского типа.

– Вы сейчас шутите?

– Нет. А разве вы видите, чтобы я улыбался? – еле сдерживался от хохота искренне веселящийся Стас.

– Послушайте, товарищ, к нам сегодня пришёл из вашего ведомства запрос. Я приехал разобраться.

– А ваш Южный это где-то под Питером?

– Нет, это в Южном Федеральном округе.

Визгликов медленно перевёл взгляд на часы, потом на посетителя и, покачав головой, проговорил:

– Не, я, конечно, понимаю, что для ваших краёв всё лучшее в стране, но машинку для телепортации можно было сначала и Питеру тоже предложить.

– Не понял. – снова нахмурился молодой человек.

– Павел Васильевич, – вздохнул Стас, – сейчас пять вечера, если к вам сегодня от нас запрос пришёл, то как бы вы так быстро успели к нам прибыть? Так что остаётся только телепортация. – развёл руками Визгликов.

– Да что вы мне голову морочите. – взвился следователь Краснов. – Я здесь на учёбе, я отличник и меня послали. Пришёл запрос к нам, они мне позвонили и просили разобраться, зачем вам эта информация.

– Послали тебя, наверное, потому что ты всех утомил. – пробормотал Стас и громко добавил. – Вот с этого, товарищ Краснов Павел Васильевич, и нужно начинать разговор. Именно

такая схема позволила бы нам сэкономить уйму времени. – терпеливо объяснил Стас, видя, что краснеющее лицо молодого выдвиженца правоохранительных органов показывает внутренний накал эмоций.

Краснов попытался что-то ответить, но его перебил входящий звонок на телефон Стаса.

– Стас, это Нинель Павловна. Я бы тебе всё по телефону сказала, но информации много, и если ты можешь, то заедь ко мне до семи.

– Вылетаю. – спешно согласился Визгликов.

Подняв глаза на Краснова, Стас понял, что просто так отвязаться от молодого поколения ему не удастся.

– Мне в морг нужно. Вы здесь подождёте или со мной? По дороге можем поговорить.

На лице Павла промелькнуло едва заметное замешательство, но он скоро кивнул, и через несколько минут они уже ехали во владения Нинель Павловны.

– Ну, рассказывайте. Почему вы вдруг решили, что у нас разгуливает ваш маньяк?

– У нас такие случаи были дважды. Первый – примерно пятнадцать лет назад или чуть позже. Пропали три девушки молодые. На каждом месте преступления он оставлял отпечаток жертвы и писал адрес, куда ехать дальше. – коротко обрисовал ситуацию мужчина. – Потом ещё через пять лет такое получилось.

– Какие-то подвижки были? Подозреваемые?

– Начальник мой компонует материалы дела, чтобы передать, если у вас свой точно такой же завёлся.

Визгликов, ненадолго исчерпавший запас веселья, даже не стал реагировать на последнее замечание. Притормозив у морга, Стас вышел из машины и взглянул на сидевшего внутри Краснова.

– Тебе дверь открыть или сам справишься?

– Нет-нет. Не нужно. Я иду. – суетливо засобиравшись молодой человек и быстро побежал догонять Визгликова.

Пройдя со стороны входа для приёма покойных, Стас прошёл первым, обошёл стороной несколько пустых каталок и, задержавшись возле чёрного мешка с очертаниями тела внутри, потянул молнию.

– О, свеженький! – воскликнул Стас. – А этот слабенький. – проговорил изумлённый Стас, оборачиваясь на грохот у себя за спиной.

Посреди коридора, опрокинувшись навзничь, без чувств лежал следователь Краснов.

– Это мои потеряли или это с тобой? – спросила вышедшая на шум Нинель.

– Со мной. Но можно, он здесь полежит, – сооротив плачущее лицо, спросил Стас, – так меня утомил, что просто сил нет.

– Нет, он мне здесь проход загроживает. Положи его ко мне в кабинет.

– Нинель Павловна, это я выгляжу неплохо, а так я старенький и такую тушу не подниму. Можно, я твоих санитаров попрошу?

– Да. И приходи в прозекторскую, где я обычно работаю.

Найдя на улице двух скупающих мужчин с крепкими руками и мрачными взглядами, Стас позвал их обратно в помещение и попросил положить Краснова в анатомичку.

– Так он дышит вроде? – глухо сказал один из санитаров.

– Мужики, ну дайте человеку шанс. – подбодрил их Стас и успокаивающе добавил. – Пусть отлежится, я его на выходе заберу.

Мужчины пожали плечами, сгребли обмякшего следователя и поволокли в пустующую прозекторскую.

– Стас, заходи быстрее, а то у подруги день рождения и я собираюсь уйти пораньше, хочу пьянствовать.

– Нинель Павловна, я полностью ваш.

– Так. – Нинель постучала пальцами, затянутыми в латекс перчаток, по холодной поверхности нержавеющей стали. – Давай начнём с бабки. Отделение головы от тела произошло после смерти. Человек явно знает что делает, надрезы точные и ровные, без резких движений.

– Но... Ведь есть какое-то «но»?

– Стас, я могу ошибаться. Я правда не люблю делать скоропалительных выводов, и я ещё раз всё перепроверю, но техника, это как подпись.

– Нинель Павловна, я тебя крайне уважаю. Ну не тяни за все места. Что?

– С вероятностью восемьдесят процентов я могу сказать, что расчленённый труп из Газели и вчерашнюю жертву обрабатывал один и тот же человек.

Визгликов несколько секунд помолчал и со вздохом добавил:

– Это был контрольный выстрел в этом цирке последних событий. Ты же уже перепроверила?

– Два раза. Я хочу ещё с Надей посмотреть, может, я совсем старая стала. Но это был не контрольный выстрел. Мы до сих пор не установили причину смерти первого трупа, потому что, как я уже говорила, у нас нет той части тела. У меня есть пара догадок, но я гадать по кофейной гуще не буду. – Нинель повернула к Стасу фотографию тела, доставленного из квартиры жертвы. – Причину смерти бабульки, я тебе тоже не скажу.

– В смысле?

– Я не знаю, как её убили. В одном из рукавов вместо руки была палка. Ей не только голову отрезали, ещё и руку ампутировали. Я, конечно, полагаю, что ей инъекцию сделали, но утверждать с точностью не могу. Токсикология ещё не пришла.

– Я полагаю, это не все хорошие новости на сегодня?

– Так, палец. Здесь нам повезло. Есть совпадения. – Нинель Павловна достала из кармана листок с телефоном и отдала Стасу. – Позвони этому следаку, он мой старый приятель. Ждёт тебя.

– Вот за это спасибо. А как вы по пальцу-то разобрались? В картотеке есть?

– Стас, я уже за столом должна сидеть и водку пить, а мне ещё размышляться. Так что звони, он ждёт.

Вдруг со стороны соседней анатомички раздался истошный крик, после чего треснула хлопнувшая о стену дверь и мимо прозекторской, где стояли заведующая моргом и Визгликов, на огромной скорости промчался Краснов.

– Что это? – застыла изумлённая Нинель Павловна.

– Это товарищ Краснов из славного города Южный проходил обзорную экскурсию по моргу с полным погружением. Дип дайв. – заметил невероятно довольный собой Визгликов. – Алё, Астахов, – Стас набрал номер телефона оперативника, – сейчас номер сброшу, по ходу следак знает хозяйку найденного пальца. Так что действуй, он жаждет с нами общаться. – быстро проговорил Стас и повесил трубку, чувствуя лёгкие тумачи совести за своё недавнее поведение.

***

Засидевшаяся допоздна Глафира глянула на часы, устало протёрла глаза и, выключив компьютер, засобиралась домой. Самое печальное теперь было в том, что Глаше досталась квартирка в далёкой новостройке, и теперь она каждый день бороздила пространство города утром и вечером.

– Алло? – Глаша удивлённо ответила на звонок отца Марины.

– Простите, что так поздно. – суетливо сказал мужчина. – Но моя жена. Она же с вами вышла?

– Да. Мы немного прогулялись, поговорили.

– Понимаете ли в чём дело, она домой не вернулась. И телефон выключен.

– Она могла поехать на квартиру к дочери?

– Полина бы меня предупредила. У меня проблемы с сердцем и давление, она знает, что мне нельзя волноваться. Я и так на иголках из-за дочери.

– Я сейчас к вам приеду. – выдохнула Глаша и, повесив трубку, набрала новый номер. – Тёма, нужна помощь. Поехали со мной. Что-то мне перестаёт нравиться это семейство.

Глава 4

Глава 4

Солнце целый день купавшееся в дымке лёгких облаков, прокатилось по небу и стало падать за горизонт, следуя чёткому расписанию осени. Визгликов, по дороге из морга заскочивший в фастфуд и притащивший с собой пакет еды, сейчас молча и сосредоточенно вытирал со стола разлитый кофе и, увидев входящую Лисицыну, спросил:

– Анна Михайловна, а мы можем на меня потратить немного бюджетных денег?

– На какие цели? – удивилась Лисицына.

– На жалюзи, чтобы это прозрачное безобразие прикрыть. – Визгликов показал на стеклянные стены кабинета. – А то мне своих денег очень жалко.

– А зачем тебе жалюзи?

– А вдруг я себе интимные места почесать хочу, и такая привилегия у меня есть, так имеется отдельный кабинет. А как я могу это сделать, если я здесь, как в террариуме сижу?

– В твоём случае в серпентарии. – отозвалась Лисицына.

– Это почему это?

– Потому что ты ядом плюёшься с утра до вечера, как какая-нибудь гюрза.

– Ядом плюются только кобры.

– Тебе лучше знать. – отмахнулась Лисицына. – Стас, что у нас по расчленёнке из Газели?

– У нас очень плохие новости. Я сегодня к Нинель ездил.

– Н-да, она звонила уже. Просила, чтобы ты свои перформансы на вверенной ей территории больше не устраивал.

– Не могу обещать, мне экземпляр просто фееричный попался. Я бы себя перестал уважать, если бы пропустил такую постановку. – Стас постучал пальцами по столу. – Короче, по предварительным данным, бабульку убил и расчленил тот же элемент, что и барышню из Газели. И самое прискорбное, что нет у неё части тела. Руки.

– Это что получается? – Лисицына нахмурилась и, пододвинув к себе листок бумаги, стала рисовать квадратики.

– Аня, я не знаю. Погорелов звонил, он там с придорожной работницей одной побеседовал, и она показала на место, откуда тачка та могла вырुлить. Машину он нашёл, криминалист выехал. Я жду от автополицейских ответ и поеду пытать владельца. Я, конечно, понимаю, что убийца не критический идиот и вряд ли бы стал так палиться, но это ниточка.

– Ну, мотайте. – вздохнула Лисицына. – Да, кстати, насчёт фееричного экземпляра. Он завтра выходит к нам на практику.

– Как это? – Визгликов, всё время разговора игравший в незатейливую игру на телефоне, даже оторвался от своего занятия.

– Ну, видимо, ты его впечатлил. Он приехал по программе повышения квалификации и имеет право подать запрос на работу в любом отделе.

– А можно я его Польской отдам? Глядишь, минус на минус будет плюс.

– Уверен?

– Ну да, в их случае минус на минус будет большой минус.

– Так что, теперь он твой, – улыбнулась Лисицына, – а так как я имела с ним беседу, то понимаю, что этот тебе понравится. Дерзай, Стас. Я верю в тебя, как в грамотного наставника.

– Я с тобой пить не пойду.

– И не надо, я уже с Нинель договорилась. Она на каком-то скучном дне рождения была и требует продолжение банкета. Тем более, ты всё равно едешь к владельцу авто.

Лисицына встала, одёрнула короткий пиджак и пошла на выход из кабинета.

– Так что, с жалюзи? Я не понял. – крикнул ей вслед Стас.

– Обозначим, как необходимое оборудование. – отозвалась Анна и скрылась из виду.

– Так я не понял, это да или нет? – потряс головой Стас и, открыв сообщение с координатами владельца, тоже пошёл на выход.

***

Открыв окно в прокуренной насквозь квартире Михаила Потапова, на чьё имя была записана найденная Погореловым машина, Стас присел снова за стол и глянул на шуплого мужика с длинной ниткой неряшливых усов, на которых болталась запутавшаяся рыба чешуя.

– Ты пиво-то будешь? – в очередной раз спросил радушный хозяин, открывший дверь Визгликову, даже не спросив, кто пришёл.

– Нет, не буду. Ты про автомобиль вспомнил?

– Не, начальник. Нет у меня машины.

– А по документам есть.

– Ну не всё же что на бумаге написано, может быть реализовано. Вон у нас на заводе по бумагам одно количество проходит, а на практике другое. – весело заржал Потапов.

Выудив из бумажного мешка очередную сухую рыбину, он с грохотом отбил её о шаткий стол, вскрыл литровую банку пива и, умильно глядя на холодный ручеек пенного напитка, люющийся в запотевающий стакан, причмокнул:

– Ох, житуха. Сам себе завидую.

Визгликов оглядел скудное жилище с ободранными обоями, пыльными коробками, видимо, неразобранными ещё с давнего переезда, замызганные оконные стёкла и спросил:

– А откуда такие богатства на рыбу вяленую? Она сейчас, как самолёт стоит. Да и пиво, я смотрю, ты дешёвое не пьёшь.

– Ну рыбу, скажем, Васька из соседнего подъезда подогнал. Я ему выточил на заводе деталь нужную, он припёр целый пакет. Сам ловит, сам сушит. А с пивом угадал, – подмигнул Потапов, – смотри-ка, сечёшь.

– Ну, есть немного. И всё-таки.

– Слушай, машина у меня и правда была. – доверительно проговорил собеседник, вытирая руки о заляпанную и когда-то бывшую белой майку. – Ну там тудым-сюдим у меня алименты не плочены, и кредитор я подзабыл оплатить, короче, приставы, зараза, поставили на неё метку. Но нашёлся один дурачок, я ему по простому письменному договору продал.

– То есть он получается забрал твою машину со всеми косяками?

– Ну. Лошок жирный попался. Чего не воспользоваться? – довольно улыбаясь и раздирая влажные волокна рыбьего тельца, подмигнул Визгликову Потапов.

– А договор где?

– Начальник, ну откуда ж я помню. Мы по рукам ударили, я ключи отдал, и мы разошлись. Положил куда-то.

– Ну тогда собирайся, поедем. – позёвывая сказал Стас.

– Куда? – удивился Потапов.

– Как куда? В камеру.

– Не, по суду можно, я узнавал. – нахмурившись махнул рукой мужчина. – Можно так продать.

– Продать можно, а расчленёнку нельзя.

– Э, начальник, тормози. Какую расчленёнку? Ты чего? – испуганно воскликнул человек.

– На этой машине передвигался подозреваемый в серии преступлений. – пожал плечами Стас.

– Да погоди ты. У меня договор есть.

– Где? – жёстко спросил Стас.

– Ну здесь где-то, – нервно сказал мужчина, – ну, лежал где-то. Ну стопудово, начальник. Ну видишь хлама сколько. Ну не делал я ничего, ну говорю ж, лошок был.

Визгликов вздохнул, откинулся на спинку стула, открыл себе банку пива и произнёс:

– Так и быть, час тебе на генеральную уборку. И ещё подробно напиши, как он на тебя вышел, как выглядел, где встречались. Каждую мелочь. Ах да, – Стас достал телефон, – ну-ка дай мне телефон твоей жены, я ей скажу, чтобы она за алиментами приехала. Ты ж мужик теперь денежный, не всё ещё на пиво спустил.

Смотря как взмыленный хозяин квартиры с чудовищной скоростью перебирает вещи, Визгликов набрал номер Казакова:

– Юра, ты когда собираешься из своего огорода вылезать и по-человечески работать? – без предисловий начал Визгликов.

– Здравствуй, Стас.

– Да как я могу здравствовать, когда мне подло изменяет с грядками один из лучших криминалистов.

– Я вроде хорошую замену себе подобрал. Юля прекрасный специалист, моя ученица.

– Ты что ещё и учишь?

– Стас, я уже лет двадцать преподаю.

– Хорошо, но вопрос остаётся открытым. Ты когда собираешься на работу?

– Да я вот думаю, что совсем перейду в нынешний режим жизни. Три раза провожу лекции, а потом домой. Эх, Стас, мы таких грибочков насобирали да насолили, просто загляденье.

– Юрий Арсеньевич, ты издеваешься? Какие грибочки?

– Вкусные, Стас. Приезжай, я тебя ещё и помидорчиками с собственной теплицы угощу.

– Приехать, то я приеду. Только я не очень понял, мне что теперь всегда с этой воблой мочёной работать? Она припыленная какая-то, с ней ни пошутить, ни подколоть, ни работа, а каторга какая-то.

– Стас, – Казаков вздохнул, – давай между нами. Юля и правда одна из лучших на курсе была. Она у меня училась лет десять назад, но закончила только в прошлом году, была в долгом академ отпуске.

– Ты мне историю её жизни зачем рассказываешь?

– Визгликов, помолчи ты хоть минуту. – чуть повысив тон, сказал Юрий Арсеньевич. – Юля на третьем курсе вышла замуж, ушла в декрет, а вернулась доучиваться только через несколько лет. Когда она родила сына, то он пропал из роддома.

– В смысле?

– В прямом. Что у тебя случаев в следственной практике не было, когда дети пропадают?

– И что, не нашли?

– Нет. – Арсеньев помолчал. – Следователем Михайлов был, почти все знакомые криминалисты включились, Нинель можешь спросить, она тогда всех врачей роддома под лупой проверяла, точнее, результаты их работы.

– Михайлов-то зубром был. Он такие дела раскрывал, – неуверенно протянул Стас, – ничего не понимаю.

– Да там целое стадо зубров собралось, и мы тогда тоже ничего не поняли. Год искали, потом в глухари ушло. А Юля сначала держалась, потом год пила, работала правда, – Арсеньев помолчал, – кажется, полы где-то мыла. Она мне тогда сказала, что если пить не будет, то уедет в дурку, а если ребёнок найдётся, то она должна быть в порядке. Муж от неё тогда ушёл, она просто сама не своя была, с ней рядом находится страшно было. В общем, с той поры много воды утекло. А один раз она мне позвонила и попросила помочь восстановиться в институте. Другая пришла, изменилась сильно в психологическом плане, но результаты работы у неё блестящие.

– Я тебя понял.

– Не нравится, мне это «я тебя понял». Не лезь к ней, Стас, не тревожь её. Поверь, мы сделали всё возможное, по всем линиям. Оставь её в покое.

– Да понял я. – рывкнул Стас.

– Узнаю, что пытаешься что-то накопать про это дело, можешь мне больше не звонить. А Юлю в столицу устрою, есть у меня там знакомый следак, он толковых криминалистов ценит.

– Ну всё, всё, напугал. Ладно, в выходные приеду ваши консервы уничтожать, если Польская, конечно, какое-нибудь новое дело не притащит. Она ж как породистая легавая, на улицу вышла, носом повела и бац, нате вам, Станислав Михайлович, свежий труп.

***

Коротко стукнув в дверь, Астахов вошёл в кабинет и, посмотрев на пустой стул за рабочим столом, огляделся.

– Проходи, проходи, – слышался позади него чуть надтреснутый приближающейся старостью мужской голос.

– Здравия желаю, Астахов, я звонил. – громко сказал Тёма.

– Ну не ерехонь ты так, – поморщился мужчина, – оглохнуть можно. Садись, – он кивком показал на слегка расшатанный стул и включил стоящий на тумбочке чайник, – тебе чай или кофе?

– Я насчёт пальца. – неуверенно проговорил Тёма.

– Это понятно. Но что ж нам теперь и чаю с тортиком не попить? Мне как раз тут мамашка одна в благодарность принесла. Садись.

Немного суетливый старик быстро разлил дёготь заварки по чашкам, нарезал хрустящую полость «Наполеона» и, глянув на Тёму, сказал:

– Это вам повезло, что я на пенсию только через неделю. – мужчина с лёгкой грустью оглядел потасканное временем помещение и сказал. – Я на пенсию, вотчину мою в утиль. Пора нам. Зато, знаешь у нас какую комнату для детворы отгрохали, загляденье.

– Мне бы про палец. – повторил Астахов.

– Хороший следак и опер, должен быть терпеливым, – с улыбкой сказал мужчина, – тогда у него больше шансов получить ценную информацию. А торопыгам, вроде тебя, люди не рады. Ну ладно, про палец, так про палец. – мужчина отодвинул чашку и, поискав среди папок нужную, положил её перед Тёмой, – я же с детьми работал всю жизнь. Вот Нинель мне и прислала на всякий случай поглядеть, так как установила, что совсем девчонка была. Я в базе поискал и точно, Боварина Анфиса, она много раз из дома бегала, а один раз не вернулась. Отпечатки есть, так как на мелких кражах ловили. Пропала она шесть лет назад, ей тогда было пятнадцать.

– А родители её? С ними можно поговорить?

– Из родителей только бабка была, но горя не выдержала и сломалась. Но вот соседи до сих пор там живут, они Фису знали, можно с ними поговорить.

– Так а я не понял, её не искали, что ли?

– Ну искали, мил человек. Но, как видишь, не нашли. В папке всё подробно записано, что в тот день было.

– Адрес соседей есть?

– Я ж тебе говорю, что всё записано.

***

Утро расцветило кабинет весёлыми пятнами солнца, как-то по-летнему дохнул в приоткрытое окно ветер, принёс тепло от нагретых железных крыш, пошелестел бумагами на столе и осел на недавно вымытый, ещё влажный пол. Глаша с небольшим опозданием вошла в кабинет и с удивлением взглянула на незнакомого молодого человека, устроившегося за соседним от неё столом.

– Здравствуйте.

– Вы по какому вопросу, девушка? – сурово спросил Краснов, рано пришедший на новое место прохождения практики.

– По-рабочему, – с запинкой отозвалась Глаша.

– Тогда вы рано. Приём с девяти, так что можно через пятнадцать минут заходить и лучше сразу же к заместителю начальника Визгликову. Он сейчас кофе пьёт, скоро придёт.

– Хорошо. – находясь в лёгкой прострации, проговорила Глаша и отступила в коридор.

Поспешив на кухню, Глаша нашла там Стаса, весело рассказывающего Латунину про вчерашний поход к владельцу машины.

– Я извиняюсь, – сказала Глаша, – а это кто там у нас в кабинете?

– Это, Польская, ты! – громогласно рассмеялся Визгликов.

– И всё-таки, если опустить весь сарказм.

– Это, Глаша, возмездие Вселенной. Это товарищ Краснов из города Южный. Чуешь?

– Я ж вчера только запрос туда послала. А он утром уже приехал?

– Не, Польская, он вчера днём припёрся. И теперь, благодаря тебе, он у нас будет практиковаться. Прилепили его, конечно, ко мне, но так как в его ведении дело с отпечатками, то... – Визгликов торжественно замолчал. – Чуешь, Польская, кому с ним работать?

– Я полагаю мне.

– В чём в чём, Польская, а в логике тебе не откажешь.

– А вот знаете мне совсем невесело, – присаживаясь на стул, сказала Глаша, – вчера мать Марины Ефремовой не вернулась домой. Мы с Астаховым ездили к нему поздно вечером. Вчера утром я была у них, мы с ней побеседовали на улице, потом разошлись, и домой она не вернулась. Хотя мне она сказала, что сейчас пойдёт домой.

– Что по мужу?

– Запросы ещё по дороге настрочила и послала в Росреестр, нужно по квартире посмотреть, на кого оформлена. В бюро кредитных историй послала просьбу, поискать, может долги большие есть. На работе у него договорилась, что приеду сегодня после обеда. – Глаша повернулась к Латунину. – Рома, ты нашёл мне адрес родителей девушки, что я просила? И ещё, ты можешь на работу к Марине Ефремовой скататься?

– Они уехали куда-то. Я сейчас пробиваю, ищу. А к Ефремовой съезжу, а то я совсем засиделся.

В коридоре послышались шаги, и на пороге появился Краснов.

– Станислав Михайлович, к вам посетительница. А, – он глянул на Глашу, – вы зачем людей в перерыв беспокоите? Я же попросил подождать.

– Павел Васильевич, это Глафира Константиновна, – начал медленно объяснять Визгликов, – наш следователь.

– Вы почему, Глафира Константиновна, ввели меня в заблуждение и не представились по форме. Видите же, что человек новый в коллективе. – отчитал Глашу Краснов и посмотрел на Стаса. – А когда по расписанию у вас собрание?

– В четыре. – машинально ответил Стас, еле сдерживаясь от целой кучи едких предложений, моментально родившихся в его голове.

– Поздно. Ну ладно, пока пойду свои предложения готовить. – сказал Краснов и развернувшись ушёл по коридору.

– Что это было? – тихо проговорила Польская.

– Это, Польская, карма. Теперь иди и работай над ней, а я к криминалистам. – громко засмеялся Визгликов и пошёл к внутреннему переходу между лабораторией и архивом.

В экспертном центре витала тишина, лёгкая прохлада дремала на полках с приборами, по коридору лилась тихая мелодия, рождаемая в недрах фортепиано, и создавалось впечатление, что в этом уголке царит лишь умиротворение. Но когда Визгликов повернул за угол, то

уткнулся в разрубленную столешницу деревянного стола и торчащий оттуда же топор, залитый кровью.

– Гадость какая. – фыркнул Стас.

– Проходите сюда, – крикнула Юлия из другого конца коридора, – там улики по другому делу.

– Да уж, надеюсь. – проворчал Стас. – Есть новости для меня? – произнёс он, подходя к Юле.

– Да, по обоим делам есть кое-что. – криминалист вышла из-за рабочего стола и подзвала Визгликова к лежащему на столе куску плёнки. – У каждого полиэтиленового изделия есть своя маркировка. Я делала смывы крови и заметила, что здесь стоит маркировка СК. Это значит, что эта плёнка использовалась при консервации кормов для животных в сельском хозяйстве. И здесь стоит номер, я посмотрела, но номер свободен.

– Юлия Дмитриевна, жальтесь, переведите на доступный для моего понимания язык.

– Это очень слабый аргумент, но можно проверить. Очень редко такие номера занимают большие компании. Например, есть сеть блинных, там своя маркировка и номер для всего пластика, который для них производят.

– Вы говорите, этот номер свободен.

– Да. Но почему-то он стоит на плёнке. Может быть, это пригодится.

– Очень даже может быть, – пересылая информацию Погорелову, сказал Визгликов. – Чем ещё порадуете?

– Вот.

Юлия Дмитриевна включила висящую на стене прямоугольную лампу с матовым стеклом и, вставив туда большую распечатанную фотографию отпечатка пальца, проговорила:

– Мне не понравился на той фотографии рисунок папиллярных линий, мне не понравилось слишком частое переплетение в дельте, я решила увеличить.

– Дельта это...?

– В этом случае – место, где происходит разделение папиллярных линий. И вот смотрите, что я нашла. – Юля передала Визгликову лупу и ткнула карандашом в пространство между линиями.

– «Виновна». – проговорил Визгликов, всматриваясь в рисунок. – Как вы это заметили-то? – воскликнул мужчина.

– Нет. Отпечаток был туда приклеен, я писала об этом в отчёте. Я полагаю, его увеличили, написали, потом уменьшили. Наверное, как-то так.

– Я уж думал, лучше Казакова быть никого не может, но теперь я могу его спокойно отпустить на пенсию. Так это было на пальце написано?

– По машине ничего необычного, – пропустив мимо ушей вопрос Визгликова, сказала Юлия. – Не нашла отпечатков. Там точно делали химчистку и протёрли все поверхности, причём очень тщательно. Сейчас жду по готовности пробы, может смогу определить марку дезсредства, потом сравним с тем, которым начищали Газель. Тогда это будет дополнительным связующим.

– Спасибо. – сдержанно сказал Стас, понимая, что здесь свой словарный запас растратить не стоит.

***

Глаша, вернувшись в кабинет, глянула на сосредоточенно буравящего взглядом столешницу Краснова и спросила:

– Что пишут?

– Где? – подняв на неё глаза, спросил молодой человек.

– Забейте. Давайте заново знакомиться, – улыбнулась Глаша.

– Так ведь уже.

- Вы чего сидите?
- Жду четырёх часов. Собрание будет.
- Что так и собираетесь просидеть всё это время? А ведь много полезного успели бы сделать.
- Ну я не знаю, как у вас принято.
- Павел, у нас принято работать. Много, эффективно... – пламенную речь Польской перебил телефонный звонок, и девушка, подняв трубку, сказала. – Польская, слушаю.
- У вас в потеряшках Ефремова Полина Юрьевна?
- Да. Нашли?
- Тело есть женское, при нём документы на её имя. По паспорту вроде всё сходится. Глаша даже похолодела внутри, она несколько секунд стояла не двигаясь, потом подхватила ручку и попросила:
  - Адрес подскажите, я сейчас приеду и ничего не предпринимайте до нас. – положив трубку, девушка взглянула на Краснова и позвала за собой. – Собирайтесь на выезд. Мать пропавшей девушки нашли.
  - Так я же ничего не прочёл по этому поводу.
  - Павел, в работе следователя, важна скорость. По дороге ознакомлю вас с материалами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.